

На правах рукописи

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна

**ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ
(системно-семантический аспект)**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2016

Работа выполнена в Институте гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

Научный консультант:

Псянчин Юлай Валиевич, доктор филологических наук, профессор, главный специалист по вопросам образования, культуры и науки Межрегиональной общественной организации «Башкирский народный центр «Урал» (МОО БНЦ «Урал»).

Официальные оппоненты:

Бурнакова Клара Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры раннего изучения иностранных языков Института иностранных языков ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Зализняк Анна Андреевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН.

Самситова Луиза Хамзиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры башкирского языка и методики его преподавания, декан факультета башкирской филологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт филологии СО РАН»

Защита состоится «04» октября 2016 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр.1, и на сайте Института языкознания РАН <http://iling-ran.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филол. наук

Е. М. Девяткина.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено комплексному анализу структурно-семантических, функциональных и когнитивных параметров глаголов поля психической деятельности хакасского языка, включающего пять лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) глаголов со значениями мыслительной деятельности, эмоции, говорения, восприятия и поведения. Данная глагольная лексика называет действия и состояния, связанные с включением человеческого фактора и обладает национально-культурным своеобразием семантики и употребления, отражает особенности и специфику национального мировоззрения, ментального и духовного опыта поколений. Все виды своей деятельности, а также свое отношение к явлениям действительности человек выражает в языке. Глаголы поля психической деятельности, являясь одним из структурных образований в лексической системе языка, существуют в нескольких проявлениях: как наименования (способы отражения) деятельности человека, как лексические единицы, обладающие функциональным потенциалом, как единицы, взаимодействующие между собой в целях проявления прагматики языка.

Объектом исследования является поле глаголов психической деятельности человека в хакасском языке.

Предметом исследования являются особенности семантической структуры хакасских глаголов и их парадигматических и синтагматических взаимоотношений.

Цель исследования – структурирование и комплексное семантическое описание глаголов психической деятельности в хакасском языке, в частности, выяснение внутренних и внешних соотношений компонентов микросистем в многоуровневой структуре ЛСГ хакасских глаголов.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи** исследования: 1) определить понятие «поле глаголов психической деятельности», как объекта изучения, и создать фактологическую базу для лингвистического описания; 2) сформулировать основные понятия и категории теории лексической системы и определить методологию диссертационного исследования; 3) обозначить объем и границы ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности, эмоции, говорения, восприятия и поведения, составляющих поле глаголов психической деятельности и отметить их взаимосвязи с пограничными ЛСГ; 4) изучить внутреннюю организацию поля глаголов психической деятельности: выявляя общие категориально-лексические и дифференциальные семы, составить и дать описание семантических классификаций ЛСГ, составляющих данное поле; 5) дать лингвистическое описание парадигматических отношений и системных связей глаголов исследуемых ЛСГ; 6) установить структурно-семантические типовые модели глаголов отдельных семантических подгрупп, синонимических рядов при выявлении их лексико-грамматических и семантических особенностей, а также сочетаемостных возможностей в рамках их соотнесенности в определенные ЛСГ; 7) исследовать процессы

взаимодействия лексико-семантических вариантов многозначных глаголов внутри ЛСГ или за ее пределами; 8) выявить особенности хакасского национального мироощущения, отраженных в семантических и синтагматических проявлениях глаголов и фразеосочетаний со значением психической деятельности; 9) систематизировать полученные научные результаты, определить перспективу дальнейших исследований.

Актуальность исследования глаголов психической деятельности в хакасском языке обусловлена: а) теоретической и практической значимостью данной проблематики в хакасском языкознании; б) недостаточностью специальных работ в тюркских языках, посвященных исследованию семантических свойств глаголов, выяснению статуса ЛСГ глаголов в общеязыковой структуре, а также в национальной картине мира. В связи с этим возникают необходимость разработки теоретических вопросов, связанных с семантикой разноуровневых единиц лексической системы хакасского языка; детального описания глагольной парадигматики, следовательно, создания картины целостной структуры лексико-семантического развития глагольной лексики в хакасском языке; в) повышенным вниманием к познанию и сохранению национального языкового менталитета, национальной культуре. Человек постоянно вступает в отношения с окружающей действительностью, мыслит себя через эти отношения, проявляющиеся в его повседневной деятельности. Изучение целостной системы поля психической деятельности человека дает возможность выявить и охарактеризовать взаимосвязи поведения, эмоции, восприятия, мышления и говорения, отраженные в языке.

Автором выдвигается **гипотеза** о том, что глаголы психической деятельности хакасского языка представляют собой полноценную организованную систему, требующую рассмотрения в статусе лексико-семантического поля, включающего пять ЛСГ: глаголов со значениями эмоции, говорения, поведения, восприятия и мыслительной деятельности. Данные ЛСГ, в свою очередь, имеют иерархическую структуру, проявляющуюся в наличии подгрупп, микрогрупп и синонимических рядов. Единство данных семантических группировок поддерживается общими категориально-лексическими и дифференциальными семами. Глаголы обладают структурными и семантическими признаками.

Суть данной гипотезы подтверждается в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Наблюдение особенностей употребления глаголов хакасского языка в устной и письменной речи позволяет выявить их внутреннюю семантическую структуру, обнаружить системность существующих между ними парадигматических отношений и закономерности в их синтагматических связях. Описание большого поля (в его составе – ЛСГ) глагольной лексики с учетом указанных отношений и связей решает проблемы анализа лингвистической поэтики, интерпретации текстов разных стилей и жанров. Методология комплексного исследования позволяет найти

новые решения при создании больших толковых словарей, составлении комментариев к корпусам хакасского и других тюркских языков.

2. Системно-семантический, функционально-семантический и когнитивный подходы к выявлению особенностей семантики и возможностей взаимодействия в сфере парадигматической и синтагматической структур позволяет наиболее полно описывать поле глаголов психической деятельности, которое включает пять ЛСГ глаголов: это глаголы говорения, эмоции, мышления, поведения и восприятия, объединенные общей категориально-лексической семой «проявлять психические способности, присущие человеку».

3. ЛСГ исследуемых глаголов состоят из ядра и периферии, при этом ядро остается неизменным; границы периферии находятся в размытом положении, и расширяются за счет единиц соседних ЛСГ путем формирования переносных значений. В определении четкой иерархии внутри ЛСГ обнаруживаются сложности, связанные с многозначностью большинства глаголов, сужением / расширением объема лексического значения.

4. ЛСГ глаголов является самостоятельным объединением, имеющим иерархическую структуру, представленную тремя или более ступенями, проявляющимися в виде ядра, подгрупп, микрогрупп, синонимических рядов на основании общности инвариантных значений глаголов. Глаголы, входящие в ядро, являются гиперонимами по отношению к остальным членам ЛСГ, так как наиболее концентрированно выражают «общую идею». В значениях глаголов одной ЛСГ имеется не менее трех общих сем: а) категориально-грамматическая, обуславливающая их принадлежность к одной части речи; б) категориально-лексическая, объединяющая их в одну ЛСГ; в) инвариантная, объединяющая глаголы в одну семантическую подгруппу.

5. Выразителем общей категориально-лексической семы ЛСГ глаголов является идентификатор. ЛСГ глаголов со значением интеллектуальной деятельности имеет два идентификатора **сағын-** «думать» и **піл-** «знать», ЛСГ глаголов со значением говорения – глагол **чоохта-** «говорить, рассказывать», в ЛСГ глаголов поведения – глагол **хылын-** «вести себя каким-либо образом». В ЛСГ глаголов со значениями эмоции и восприятия идентификаторы отсутствуют.

6. На организацию семантической классификации ЛСГ глаголов накладываются парадигматические отношения: синонимические и антонимические, предполагающие различия и общности дифференциальных сем в семантической структуре глаголов. Явление синонимии (реже – антонимии) является наиболее характерным для глаголов трех ЛСГ: говорения, эмоции и поведения, в семантике которых присутствует качественный признак, частично – для глаголов интеллектуальной деятельности. Глаголы со значениями восприятия и поведения исключают антонимические отношения.

7. Внутрисловные парадигматические отношения представлены в семантике многозначных глаголов, которые в зависимости от количества и характера дифференциальных признаков одновременно состоят в двух или нескольких семантических подгруппах ЛСГ или же переходят в другие ЛСГ. Явление многозначности развито в семантике глаголов интеллектуальной деятельности, но их ЛСВ почти не выходят за пределы ментальной сферы. При этом единицей ЛСГ является лексико-семантический вариант, представляющий глагол в одном из его лексических значений.

8. Сходство глаголов одной ЛСГ выражается наличием у них не только общего категориально-лексического признака, но и сходством типовой сочетаемости. Глаголы, по общности значения относящиеся к одной ЛСГ (микрогруппе, подгруппе, синонимическому ряду), характеризуются однотипностью сочетания, за счет чего могут потенциально заменять друг друга в предложении. Комплексный подход к изучению семантики глагола предполагает рассмотрение взаимосвязи семной структуры и сочетаемости глаголов, так как семантика и сочетаемость взаимосвязаны.

9. При антропоцентрическом подходе к исследованию поля глаголов со значением психической деятельности обнаруживается связь глаголов и фразеосочетаний с особенностями национального (хакасского) менталитета. Исследуемые глаголы обладают своеобразием семантики и функционирования и образуют фрагмент отражения традиционного мировоззрения хакасов. Степень участия этих глаголов в описании внутреннего мироощущения и ментальности нации достаточно высока: они содержат специфические особенности эмоциональных, поведенческих, перцептивных и ментальных действий и состояний, скрытых в языковой системе. Выявленные элементы данной лексической системы и отношения между ними представляют собой фрагмент национальной языковой картины мира: определенное восприятие, поведенческую, речевую и мыслительную деятельность в их взаимном влиянии и развитии.

Научная новизна. Впервые не только в хакасском, но и в других тюркских языках подвергается специальному исследованию поле глаголов психической деятельности, при этом теоретически обосновывается антропоцентрический принцип моделирования данного поля. Впервые проведено многоаспектное – системно-семантическое, функционально-семантическое и когнитивное – описание данного фрагмента языковой системы хакасского языка, тем самым, получены новые знания об участии этих глаголов в процессах концептуализации и категоризации действительности и их роли в организации внутрисловных и межсловных семантических парадигм. Впервые выделен целый класс глаголов психической деятельности и созданы модели их исследования: а) определена внутренняя структура ЛСГ глаголов со значениями эмоции, поведения, мышления и восприятия; б) выявлен характер взаимоотношений между членами отдельных ЛСГ и подгрупп; в) указаны синтагматические особенности данных глаголов.

Методологической базой исследования структуры глагольных ЛСГ, особенностей семантики и функционирования хакасских глаголов послужили теоретические разработки и положения по изучению важнейших концептов, создающих понятийную картину мира, глагольной лексики и ее места в лексической системе, а также выявлении роли субъекта в формировании языковой картины мира, изложенные в трудах известных лингвистов Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, К.М.Мусаева, Л.Г.Бабенко, Л.М.Васильева, А.А.Зализняк, В.Г.Гака, Ю.Н.Караулова, Э.В.Кузнецовой, Е.В.Падучевой, А.А.Уфимцевой, М.И.Черемисиной, М.Г.Усмановой, В.П.Бахтиной, Р.М.Гайсиной и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты нашего исследования значимы для когнитивных исследований в современном языкознании, а также, несомненно, будут способствовать дальнейшей разработке проблем лексической системы хакасского языка, и откроют новые исследовательские возможности изучения рассматриваемых ЛСГ с парадигматической и синтагматической позиций и в других тюркских языках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты нашего исследования имеют прикладное значение для развития лексикографии как хакасского, так и других тюркских языков.

Подходы и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют системно-структурный и функционально-семантический подходы: анализу подвергается весь словарный состав ЛСГ, поскольку на основе сочетаемости наиболее ярко выявляются те или иные дифференциальные признаки семантики глагола. Основным методом при исследовании глаголов со значением психической деятельности является компонентный анализ, который рассматривает выделение в значениях глаголов при их сравнении с идентификатором тождественных и дифференциальных сем, при этом семантика глагола понимается как состоящее из элементарных смыслов (признаков, компонентов, сем). С этим методом тесно связан синтагматический метод контекстного (дистрибутивного) анализа, позволяющий выявить различные оттенки значений исследуемых глаголов при их сочетаемости с другими членами предложения, поскольку принадлежность к определенной группировке обычно предполагает однотипную сочетаемость.

Материал и источники исследования. В работе широко и активно использовались два основных ресурса: а) фактический материал, извлеченный из художественной литературы, фольклорных текстов, публицистики и устной речи; б) различные переводные, толковые, идеографические словари. К их помощи мы обращались при систематизации глагольной лексики, определении общего смысла совокупности глаголов, толковании смыслового содержания глаголов, а также для уточнения значений глаголов.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании Ученого совета Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова.

Результаты нашего исследования в виде докладов были представлены:

• на 21 конференции *международного* уровня: **2013** – «Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы материалдары / Алтай – золотая колыбель тюркского мира» (Усть-Каменогорск, Казахстан), «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики» (Елабуга); «Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дешифровки орхон-енисейской письменности)» (Кызыл); **2014** – «Центральная Азия в исследованиях XIX-XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М.Пржевальского» (Бишкек – Каракол, Кыргызстан); «Мир языков: ракурс и перспектива» (Минск, Беларусь); «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики» (Элиста); **2015** – «Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл: Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл» (Улан-Батор, Монголия); «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» (Ховд, Монголия); «Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир» (Кызыл); «Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: X Всероссийский съезд востоковедов, посвященный 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана» (Уфа); «Ц.Б.Цыдендамбаев – выдающийся монголовед» (Улан-Удэ); «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань); «Юнусалиевские чтения – 2015» (Бишкек, Кыргызстан) и др.;

• на 14 конференциях *всероссийского* уровня: **2005, 2010, 2014** – «Урал – Алтай: через века в будущее» (Уфа, Горно-Алтайск); **2014** – «Хакасский этнос на рубеже XX-XXI веков» (Абакан); **2015** – «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа) и др.;

• на 10 конференциях *регионального и межрегионального* уровня: **2013** – «Учебник – основа изучения родного языка в образовательных учреждениях» (Абакан); **2014** – «Россия глазами народов Сибири: диалог и взаимодействие народов в рамках национальной политики» (Новосибирск); «Коренные народы Сибири: история, традиции и современность» (Новосибирск); **2015** – «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск) и др.

Тематика докладов, озвученных на данных научных мероприятиях, отражена в списке опубликованных трудов. По теме диссертации опубликовано 100 научных трудов, в том числе: 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, 2 монографии, 1 учебное пособие, 3 словаря (2 из них – в соавторстве). Некоторые результаты нашего исследования внедрены в преподавательскую практику кафедры хакасской филологии Института филологии и межкультурной коммуникации ХГУ им. Н.Ф.Катанова.

Структура диссертации обусловлена целями, задачами и проблематикой исследования и состоит из введения, семи глав и заключения. Список научной литературы и лексикографических источников насчитывает 541 наименование. В Приложении I в табличной форме отражается иерархическая структура поля глаголов психической деятельности; в Приложении II дается список многозначных глаголов в структуре 5 ЛСГ. Общий объем диссертации – 500 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении [с. 5-22] обосновывается актуальность избранной темы, определяются цели и задачи, методологическая основа и методы исследования, объект и предмет, формулируются положения, выносимые на защиту, описываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся данные об апробации и структуре диссертации.

Первая глава «Глагольная лексика в контексте современных исследований» [с. 23-81] посвящена анализу понятийно-терминологического аппарата и рассмотрению существующих в языкознании общих теоретических подходов к исследованию системности глагольной лексики, а также определению роли глаголов со значением психической деятельности в данной системе. Подробно рассматриваются подходы к системному изучению лексики, при котором изучаются и структура отдельных слов, и связи между ними, позволяющие сводить их в различные по объему группы. В связи с этим делается экскурс в историю лингвистики XX века и приводятся сведения о взглядах Ф. де Соссюра, немецкого ученого Й. Трира, советских и российских ученых Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, М.М. Покровского, Э.В. Кузнецовой, Д.Н. Шмелева, Л.М. Васильева, Н.А. Лукьяновой, А.А. Уфимцевой, Н.П. Сидоровой, Т.М. Недялковой, Е.В. Падучевой, В.Е. Похмелкиной, А.С. Хуршудянц, М.И. Фоминой и др. Общее положение всех этих учений сводится к тому, что для лексики, как системы, характерны не только чисто смысловые связи слов, но и те связи слов, что обусловлены словообразованием, образованием устойчивых фразеологических сочетаний. Системность лексики любого языка наиболее ярко отражается в семантических группировках слов: ЛСГ, семантических полях или классах слов, синонимических рядах. Создание представления о них является эффективным инструментом изучения иерархической структуры и внутрисистемных отношений специализированной лексики.

При изучении глагольной лексики применяются различные методы и приемы, использование которых зависит от целей и задач исследования. На начальной стадии исследователь рассчитывает на свою интуицию, как носителя языка, а также использует смысловой критерий. В одну группу включаются глаголы по наличию в содержании категориально-лексического признака, который интуитивно осмысливается исследователем в качестве существенного. Интуиция исследователя обычно подкрепляется данными

словарей. На частично интуитивной основе построен метод идеографической классификаций лексики, осуществленный Ю.Н.Карауловым на основе идеографических словарей и собственных исследований [Караулов 1976]¹. Исследователи часто используют метод ступенчатой идентификации (компонентного анализа и использования словарных дефиниций), разработанный Э.В.Кузнецовой, ввиду его эффективности [Кузнецова 1967]². Наиболее удобным методом для выявления различного рода сем, способствующих определению возможных видов оппозиций, является компонентный анализ. При отборе глаголов в одну ЛСГ учитываются также их грамматические и семантические признаки. Единицы ЛСГ А.А.Уфимцева определяет как «вычлняемые на основе общности денотата, и объединяемые по интегрирующему компоненту лексического значения конститuentов и обычно принадлежат к одной части речи» [Уфимцева 1962]³.

При этом важно учитывать их определенные синтагматические особенности, свойственные именно глаголам одной группы: это типовая сочетаемость глаголов, например, при выделении глаголов говорения указывается на их способность вводить прямую и косвенную речь. При анализе семантических отношений в рамках одной ЛСГ выделяются общие для всех членов парадигмы, и компоненты, свойственные отдельному глаголу. Таким образом, в основе структурно-семантической организации глаголов лежат не только иерархические отношения (отношения соподчиненности и противопоставленности), но и различные виды парадигматических отношений между языковыми единицами, относящимися к одному уровню языковой системы.

Впервые о внутри-лексемном разграничении значений писал В.В.Виноградов: «В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм» [Виноградов 1972, с. 17]⁴. Затем этот вопрос освещался в трудах И.В. Арнольд [1979]⁵, А.А. Уфимцевой [1986]⁶, Д.Н. Шмелева [1973]⁷, которые доказали, что на глубинном уровне отношения синонимии устанавливаются не столько между значениями слов, сколько между ЛСВ значений. Вслед за названными исследователями мы считаем, что синонимические ряды состоят из синонимов-семем, а не из синонимов-лексем (лексема – слово во всей совокупности его значений, семема – одно из значений слова). Для установления синонимических отношений между вариантами слов и степени их семантической близости, для выявления дифференциальных сем в значениях слова используется методика

¹ Караулов Ю. Н. Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 181-190.

² Кузнецова Э.В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы // Межвузовская конференция по порождающей грамматике. Тезисы докладов. – Тарту, 1967. – С. 87.

³ Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 287 с.

⁴ Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. – 601 с.

⁵ Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте. – Иностранные языки в школе. – 1979. – №5. – С. 10-14.

⁶ Уфимцева А.А. Лексическое значение: принципы семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

⁷ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 279 с.

компонентного анализа слова. Здесь также помогают знания и интуиция носителя языка.

Смысловая разветвленность в сфере глагола обусловлена многообразием предметно-логических связей слов этой части речи, что выражается в богатстве лексико-грамматических и семантических вариантов глагольного слова, в большом наборе синонимических рядов внутри ЛСГ. Обращение к различиям в значениях слов при уточнении характера их семантической близости позволяет более объемно определить границы синонимической парадигмы, путем непосредственного установления понятийного тождества слов, так как многие различия в значениях лексем находят отражение в особенностях их употребления. Подход к определению семантической структуры слова основывается на тех задачах, которые ставит исследователь, но в любом случае, здесь присутствует идея комплексного подхода к данному вопросу: принимаются во внимание семантические, функционально-синтаксические, формально-грамматические, деривационные признаки слова. Все лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) в семантической структуре многозначного глагола (семантемы) взаимосвязаны и характеризуются единством общего значения: один и тот же признак имплицитно обнаруживается в разных значениях одного слова, в то же время каждый ЛСВ отличается от другого уникальностью своей семной структуры, составом тех компонентов, из которых складывается его содержание. Некоторые ЛСВ оказываются связанными с основным значением опосредованно, через другие ЛСВ и эта связь не всегда выражается четко.

Основным способом функционирования многозначного слова являются условия его синтагматической реализации, поскольку многозначный глагол представляет собой двустороннюю лексическую единицу, которая реализуется в плане содержания и в плане выражения. В плане содержания ЛСВ различаются тем, что наряду с общими компонентами имеются также дифференцирующие их признаки, а в плане выражения – тем, что реализация каждого ЛСВ происходит в определенных синтагматических условиях, которые можно рассматривать как формальные средства их разграничения. В качестве примера приведем глагол **сизін-**. В словарной статье различаются три ЛСВ данного глагола: «1) чувствовать, предчувствовать, чують; 2) догадываться, понимать; 3) остерегаться кого-л., чего-л.; быть осторожным, предусмотрительным» [ХРС 2006, с. 463-464]¹. На основании анализа его контекстных употреблений мы выделяем девять ЛСВ: 1) «замечать, заметить»; 2) «предчувствовать, предугадывать (интуитивно)»; 3) «чувствовать (внутренне осознавать)»; 4) «чують, ощущать, распознавать чутьем (о животных)»; 5) «понимать»; 6) «спохватиться»; 7) «догадываться». Далее, с афф. понуд. залога **-дip-** (**сизіндip-** «букв. заставить быть внимательным») глагол **сизін-** реализует ЛСВ8 «предостерегать» и ЛСВ9

¹ Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, М.Д. Чертыкова и др. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

«предупреждать», в которых включается в иную семантическую область и переходит в ЛСГ глаголов говорения. В семантической структуре глагола **сизін-** наблюдается цепочечная связь его значений в связи с расширением объема семантики на три понятийных блока: а) воспринимать что-л. органами чувств (ЛСВ2, ЛСВ3, ЛСВ4); б) при помощи умственных способностей делать какие-л. умозаключения (ЛСВ5, ЛСВ6, ЛСВ7); в) посредством речи побуждать кого-л. быть внимательным (ЛСВ8, ЛСВ9). На основании первичного значения глагола **сизін-** развиваются вторичные значения, актуализирующие внимание на физиологическом уровне: ЛСВ2 «предчувствовать», ЛСВ3 «чувять», ЛСВ6 «чувствовать». Далее формируется значение, за счет которого глагол **сизін-** переходит в разряд глаголов говорения: ЛСВ8 «предостерегать», ЛСВ9 «предупреждать». По нашим сведениям, в ЛСГ хакасских ментальных глаголов 88% глаголов многозначны, вследствие чего, при своей малочисленности, и удовлетворяют потребность вербализовать представления о ментальном пространстве.

Функциональная эквивалентность – один из видов вариантных отношений слов в системе языка. Лингвисты, помимо синонимичных отношений между лексическими единицами, на основе их вторичных значений выводят категорию функциональной эквивалентности между лексемами [Курилович 1962¹; Кузнецова 1989² и др.]. Под функциональной эквивалентностью (или синонимией в широком смысле слова) понимается способность слова употребляться в речи вместо других единиц лексической системы, не будучи синонимом. Отношения функциональной эквивалентности по сути своей являются синонимическими в широком смысле или же их называют «контекстуальными», «потенциальными» синонимами. Различие явлений синонимии и функциональной эквивалентности обнаруживается при сопоставлении парадигматического и синтагматического в слове.

В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов – членов одной ЛСГ, когда при замене одних слов другими не меняется смысл предложения. В основе данной нейтрализации в качестве инвариантной семы лежит категория общего функционирования. Функциональная эквивалентность слов сходна с многозначностью в том, что оба эти вида вариантных отношений в лексике полностью реализуются на уровне слов-синтагм, связанных в рамках предложения с определенным контекстом. Но характер контекста, его роль в формировании многозначности и функциональной эквивалентности противоположны. В первом случае контекст обязательно должен быть различным, и только при этом условии слово может выступать в разных значениях. Во втором случае, напротив, контекст должен быть одинаковым.

¹ Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. – М. Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 237-250.

² Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.

Например, *Надистең ол молдаван хысты килерге чӧптеп полбадыбыс* (Т, 71) – [Мы] **не смогли уговорить** Надис и эту девушку-молдаванку прийти сюда = *Надистең ол молдаван хысты хызыр полбадыбыс* – [Мы] **не смогли пригласить** (т.е. приглашали, но не смогли убедить прийти) сюда Надис и эту девушку-молдаванку. Таким образом, явление функциональной эквивалентности представляет собой более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование слова в предложении. Основным условием нейтрализации, создающей значимую эквивалентность слов, является наличие в контексте позиций, содержательно связанных с теми дифференциальными семантическими признаками, которые различают основные значения соответствующих слов.

Все многообразие окружающей действительности находит воплощение в языковой системе. Имея в виду разнообразие языков, можно утверждать, что все системные лексические группировки языка базируются на представлении этноса о реальной действительности. Соответственно, ЛСГ глагольной лексики любого языка являются идеальным фрагментом для исследования национальной картины мира в аспекте языкового отображения. Лингвисты широко используют термин «языковая картина мира», имея в виду понятийную связь между реальной действительностью и смыслом слова. Носители разных языков по-разному членят окружающий мир на фрагменты, которые получают самостоятельные названия. Различия в восприятии мира проявляются в языке не только на уровне лексики, но и грамматики (например, время глагола), словообразования (например, изобилие в русском языке уменьшительно-ласкательных суффиксов или личные окончания глаголов в тюркских языках, сохранившие свой конкретный смысл), фразеологическом фонде. Но, именно лексика языка, семантика слов в их прямых и переносных значениях являются вместилищем, где сосредоточен опыт «усилий» народа по постижению мира. Например, ментальные глаголы составляют одну из основных, базовых ЛСГ в лексической системе любого языка. Степень участия этих глаголов в описании национального мировоззрения достаточно высока, хотя по численности в хакасском языке они уступают многим разрядам семантических групп. Или же, наоборот, в ЛСГ хакасских глаголов эмоции наиболее многочисленными оказались подгруппы глаголов с отрицательной эмотивно-оценочной семантикой. По нашим наблюдениям, хакасская языковая картина мира характеризуется большей сосредоточенностью на выражении «негативной семантики»: основная часть глаголов поведения выражают отрицательную оценку говорящего лица. В ЛСГ глаголов говорения глаголов со значением положительного отношения насчитывается лишь три: **махта-** «1) хвалить (за *что-л.*); 2) одобрять»; **махтан-** «хвалиться»; 3) **чахсыла-** «хорошо отзываться о ком- чем-л.».

Представление о лексике как о многообразном, разноаспектном и целостном системном объекте объясняет возможность построения различных ее подсистем: семантическое поле, ЛСГ, функционально-семантический

класс, тематическая группа, синонимический ряд и другие, которые пересекаются и взаимодействуют на основании определенных парадигматических и синтагматических связей и отношений. Объединение слов в группу мы понимаем расширительно: не только на основе лексического значения, а во многих случаях – и на основе семной структуры многозначного слова. ЛСГ глаголов является опорным понятием в парадигматической классификации слов. То же касается многообразия типов ЛСГ: признавая это положение, мы склонны предполагать, что сравнение устройства ЛСГ в большинстве языков может привести к составлению целого набора лексических типологий. Традиционно семантические классификации ЛСГ глаголов строятся с учетом их семантических и синтагматических особенностей. Парадигматический принцип учитывает, в отличие от тематического, не только денотативный, но и сигнификативный аспект классифицируемых значений (семем), который предусматривает однотипную обобщенную сочетаемость глаголов. В исследовании ЛСГ хакасских глаголов мы применяем все эти три описанных принципа. На начальном этапе исследования важным является денотативный принцип, основанный на знании носителя языка, он используется при распределении глаголов на определенные ЛСГ. Последующее членение глаголов внутри структуры ЛСГ проводится на основании синтагматического и парадигматического принципов. Дальнейшая категоризация происходит посредством более частных дифференциальных признаков значений глаголов. Важную роль при этом играет метод компонентного анализа, который используется для выделения сем в значениях слов (ЛСГ). Здесь он заключается в выявлении дифференциальных и интегральных сем путём их попарного сопоставления внутри группы слов, близких по значению. Минимальной единицей лексической парадигмы является глагол в одном из своих ЛСВ. Наиболее конкретную картину парадигматических отношений дает синонимический ряд, представляющий средний уровень иерархически организованной семантической парадигмы. Компоненты, составляющие синонимический ряд, представляют микросистему, организованную не только по иерархическому принципу: наличествует доминантный глагол, а другие члены ряда, в том числе сложные глаголы и фразеологические единицы, образуют вокруг него микрополе, в разной степени конкретизируя общее значение, и находясь на разном семантическом расстоянии от него.

Исследование парадигматических отношений хакасских глаголов со значением психической деятельности показало, что в сфере этого поля действуют такие явления, как полисемия, синонимия и функциональная эквивалентность. Наименее развитыми являются антонимические отношения глаголов. Явление многозначности в основном характерно для частотных и базовых глаголов с обширной и стилистически нейтральной семантикой, которые в зависимости от количества и характера дифференциальных признаков одновременно состоят в двух или нескольких семантических подгруппах одной ЛСГ, а иногда и в разных ЛСГ. Таким образом, хотя ЛСГ

глаголов в разных языках, в целом, имеют схожую иерархическую структуру, но ее содержательная и формальная сторона варьируются в зависимости от национальной специфики конкретного языка, что является следствием воздействия окружающей среды, особенностей условий проживания, исторических и культурных традиций народа-носителя данного языка.

Во второй главе «ЛСГ глаголов интеллектуальной (ментальной) деятельности в хакасском языке» [с. 78-131] представлена семантическая классификация глаголов интеллектуальной (мыслительной, ментальной) деятельности в хакасском языке. Глаголы со значением мысли (или ментальные предикаты) в русском языке в последние десятилетия получили наиболее основательное освещение в различных аспектах: диахроническом, семантико-синтаксическом, когнитивном, коммуникативном, прагматическом и др. [Апресян 1993¹; Арутюнова 1989²; Булыгина, Шмелев 1989³; Дмитровская 1985, 1991⁴; Зализняк 1991⁵ и др.]. В лингвистических исследованиях решаются фундаментальные проблемы определения места и функций языка в процессе познания и понимания мира, определяются связи языка и мышления, формулируются основные подходы к изучению данной категории глагольной лексики и т.д., тем самым, создается теоретическая база для проведения дальнейших разработок данной тематики. Значит, языковое ментальное пространство оставляет за собой актуальность и привлекает к себе внимание исследователей не только в русском, но и в других языках.

Ментальные глаголы могут обозначать то или иное ментальное состояние (знать, верить, помнить), мыслительную деятельность, обычно направленную на получение знания (размышлять, обдумывать), или же указывать на возникновение определенного ментального состояния в результате предшествующей деятельности или внезапного озарения (узнать, догадаться, понять) [Булыгина, Шмелев 1989, с. 31⁶].

Основываясь на положения лингвистов-предшественников, в ЛСГ хакасских глаголов ментальной деятельности мы включаем глаголы, а также фразеологические единицы, обозначающие процесс мыслительной деятельности во всех его проявлениях и содержащие в своих значениях общую категориально-лексическую сему «осуществление ментальной деятельности». Как и в других тюркских языках, группа хакасских

¹ *Апресян Ю.Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 7-22.

² *Арутюнова Н.Д.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 7-30.

³ *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 31-54.

⁴ *Дмитровская М.А.* Глаголы знания и мнения (значение и употребление): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИЯ АН СССР. – М., 1985. – 16 с.; *Дмитровская М.А.* Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 78-85.

⁵ *Зализняк Анна А.* Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 187-194.

⁶ *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 31-54.

ментальных глаголов в количественном составе ограничена и выглядит скромнее, чем другие глагольные ЛСГ. Наш фактический материал выдал 57 глагола с категориально-лексической семой «осуществление ментальной деятельности» в своем значении, однако треть из них содержат эту сему во вторичном ЛСВ.

В русском языкознании различные типы ментальных глаголов (глаголы со значениями знания, мысли, понимания, мнения) в вышеназванных и других работах часто исследуются в рамках отдельных семантических классов, полей или группировок. Мы же организацию ЛСГ ментальных глаголов в хакасском языке рассматриваем как веерный тип, когда на вершине группы находится глагол с наиболее отвлеченным общим значением, вокруг него на одинаковой ступени конкретизации расположены остальные члены группы, отличающиеся от категориального одним, но не одинаковым признаком. На начальном этапе классификации выделяются две микро-группы: глаголы, обозначающие процесс мышления (глаголы мышления) и глаголы, обозначающие результат мышления (глаголы знания), возглавляемые глаголами-идентификаторами: **сағын-** «думать» и **пiл-** «знать». Они в силу своей многозначности и частотности вместе со своими аналитическими и синтетическими производными покрывают большинство аспектов ментальной деятельности. Анализ семантической структуры глагола **сағын-** «думать» выявил 4 первичных и 4 вторичных ЛСВ его семантики, а также 4 сложных глагола по типу **сағын-** + вспомогательный глагол: **сағын кил-** «вспоминать», **сағын сал-** «1) задумать; 2) подумать», **сағын тап-** «1) придумать; 2) отгадывать», **сағынып ал-** «1) придумать; 2) задумать». Все эти элементы парадигматического содержания образуют семантическое гнездо многозначного глагола **сағын-** «думать». При определении конкретных значений ведущую роль играют синтаксические показатели, представленные в виде системной типовой сочетаемости. Весь набор ЛСВ глагола **сағын-** «думать» выделен на два типа: 1) первичные ЛСВ, связанные с обобщенным понятием «интеллектуальная деятельность»; 2) вторичные ЛСВ, утрачивающие связь с основным понятием и трансформирующиеся в другие семемы.

Идентификатор разряда глаголов интеллектуального состояния (знания) – глагол **пiл-** «знать» в контексте реализует 5 ЛСВ своего значения: 1) знать что-л.; 2) уметь делать что-л.; 3) знать, быть знакомым с кем-л.; 4) понимать что-л.; 5) помнить что-л. Нами проведен также анализ семантики производных от **пiл-** глаголов: **пiлин-** «сознавать», **пiлис-** «понимать друг друга», **пiл пол-** «понимать» и **пiлип ал-** «понимать», представляющих его ближайшее понятийное окружение.

Глаголы со значением мышления указывают на изменение состояния в сознании субъекта, т.е. переход от отсутствия пропозиции к ее наличию или последовательный переход от одной пропозиции к другой, логически связанных и следующих друг за другом. Результат мысли (сама мысль), который вводят эти глаголы, является неконтролируемым, несмотря на то,

что сам процесс мышления является, безусловно, контролируемым. Сюда относятся, кроме идентификатора **сағын-** «думать», глаголы со значениями понимания (базовый глагол **онна-** «понимать»), внимания (**сизін-** «замечать»), сравнения (**тиңнестір-** «сравнивать»), решения (**пёк-** «решать»), проверки и контроля (**сыныхта-** «проверять, контролировать») и др.

Глаголы интеллектуального состояния (знания) выражают обладание знанием, что является высшей способностью человека, а выработка своего мнения – его привычкой. Здесь выделены основные микро-группы: 1) глаголы со значением мнения (базовый глагол **сана-** «считать»), обозначающие осознание субъектом действительности в результате его умственных усилий и творческой активности; 2) глагольные средства, выражающие операции памяти (23 глагольных единиц). Репрезентация операций памяти эксплицируется сложными глаголами, в составе которых участвуют глагол **сағын-** «думать» и однокоренное существительное **сағыс** «дума, мысли», что свидетельствует о прямой взаимосвязи мышления и памяти. В зависимости от производимых в памяти операций, глаголы, обозначающие операции памяти, выражают значения:

1) «запоминание какой-л. информации» (**сағын сал-** в ЛСВ «запомнить»);

2) «хранение в памяти какой-л. информации, знаний» (**сағын чөр-** «помнить», **сағыста тут-** «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях», **сағыста хал-** «запомниться, помнить; букв. оставаться в мыслях», **піл-** в ЛСВ «помнить произошедшую ситуацию», **онна-** в ЛСВ «помнить»). *Хайди ибде пол парғанымны пілбинчем* (Хт, 39) – **Не помню**, как я очутился дома. *Аннаң аңдархызын Мукул чахсы оңнабинча* (Ит, 159) – Что было дальше, Мукул хорошо **не помнит**;

3) «извлечение какой-л. информации из памяти» (**сағысха кір-** «вспоминаться, помниться; букв. входить в мысли» и **сағысха кир-** «вспоминать; букв. вводить в мысли», **сағын кил-** «вспомнить»);

4) «утрата какой-л. информации из памяти, сознания» (**унду-** «забывать»).

Наиболее частотны в обозначении различных аспектов интеллектуальной деятельности фразеологические единицы с компонентом **сағыс** «мысли, дума», которые распределены по трем разрядам с общими значениями: 1) «хранить в памяти информацию»; 2) «пополнять в памяти информацию»; 3) «терять из памяти информацию, сознание».

Почти все глаголы ментальной деятельности многозначны, но их ЛСВ не выходят за пределы ментального пространства, и функционируют в языке в смысловом и в синтагматическом аспектах, как самостоятельные единицы.

В третьей главе «ЛСГ глаголов со значением эмоции в хакасском языке» [с. 137-248] с функционально-семантической точки зрения рассматривается ЛСГ глаголов со значением эмоции в хакасском языке. Под глаголами со значением эмоции понимаются глаголы, обозначающие различные аспекты эмоциональной деятельности человека, и объединенные в

одну ЛСГ по общности категориально-лексической семы «испытывать, какое-л. чувство или эмоцию». В отличие от глаголов других ЛСГ, глаголы эмоции обозначают не действие, активно совершаемое субъектом, а реакцию субъекта на определенные семантические раздражители. В хакасском языке отсутствует идентификатор – выразитель категориально-лексической семы ЛСГ глаголов эмоции. Исходя из качественных характеристик выражаемых эмоций, глаголы делятся на 3 разряда:

1) глаголы, выражающие положительные эмоции. Здесь мы выделяем синонимические ряды глаголов со значениями: а) радости (базовый глагол **өрін-** «радоваться»); б) любви и доброжелательного отношения, (**хын-** «любить»); в) удовольствия и удовлетворения (**чөпсін-** «быть удовлетворенным, удовлетворяться», **морсын-** «1) восхищаться; 2) быть довольным»); г) желания (глагол **хын-** в ЛСВ «хотеть»);

2) глаголы, выражающие отрицательные эмоции, которые распределяются по синонимическим рядам глаголов со значениями: а) злости (базовый глагол **тарын-** «сердиться»); б) раздражения (**хыргыстан-** «раздражаться»); в) обиды (**тарын-** в ЛСВ «обижаться»); г) печали (**пичелен-** «печалиться»); д) страха (**хорых-** «бояться»); е) страдания (**иреелен-** «страдать»); ё) ненависти (**пу харахтаң көрбе-** «ненавидеть»); ж) зависти (**істі чохтаң-** «завидовать»); з) отрицательной эмоционально-этической оценки (**уйат-** «стыдиться»);

3) глаголы, выражающие нейтральные эмоции, которые составляют синонимические ряды глаголов со значениями: а) удивления (базовый глагол – **хайха-** «удивляться»); б) беспокойства (**сағыссыра-** «беспокоиться»). В отдельном порядке рассматриваем глаголы, выражающие проявление эмоции: плач (**ылға-** «плакать») и смех (**хатхыр-** «смеяться», **күлін-** «улыбаться»), выражающие не пребывание субъекта в каком-либо эмоциональном состоянии (переживании), а внешнее проявление эмоционального состояния изданием звуков.

Деление эмоций на положительные и отрицательные требует некоторого уточнения, поскольку в некоторых ситуациях негативные эмоции могут быть направлены на хороший, справедливый результат или же, такая противоречивая эмоция, как, например, злорадство, от которого только субъект получает удовольствие, с этической точки зрения оценивается как негативная. Например, глаголы смеха могут обозначать отрицательные эмоции: растерянность, страх, злость и т.д. *Ол, арғызын үдезіп, хомзыныстыг ла күлімзіреен* – Он, провожая друга, только грустно улыбался. Также плач может быть вызван положительной эмоцией, например, от радости, восхищения, гордости и т.д. *Күн тооза чөскіннеп, ибзер айланганда, Ян өрінгеніне ылгамзырабысхан* – стол кистінде харибдең поэдылган пабазы одырчатхан (Тс, б) – Ян шатался где-то целый день, а когда вернулся домой, прослезился от радости – за столом сидел отец, вернувшийся из тюрьмы.

Объемную и богатую картину представляют фразеологизмы с соматическим компонентом: **чүрек** «сердце», **өкпе** «легкие», **паар** «печень»,

істі «нутро», а также ассоциативные понятия **кӱннi** «душа», **хут** «дух, душа». Включение соматических фразеологических единиц в состав ЛСГ глаголов эмоции объясняется их активным употреблением в языке и речи. Имея экспрессивные оттенки, они часто заполняют те семантические лакуны, которые не заняты соответствующими глаголами эмоции. Одна из базовых эмоций – ненависть – выражается фразеосочетаниями **пу харахнаң кӱрбе-** «(букв. этими глазами не видеть), ненавидеть» и **хырт кӱр-** «(букв. смотреть с ненавистью), самостоятельный глагол с этим значением отсутствует. Хакасский язык не располагает разнообразием обозначений ненависти, как и любви. Анализ семантики фразеосочетаний с соматическими компонентами выявил, что в хакасском миропонимании страдание, любовь, тоска, радость локализуются в сердце; боль, тоска – в печени; злость – в легких; зависть – в животе.

Наиболее многочисленными являются разряды глаголов, выражающих базовые эмоции: злость, раздражение, страх, печаль, удивление, смех и плач. Например, глаголы злости представлены 21 глаголами и фразеосочетаниями, которые образуют отдельную микро-группу. Все они обозначают возбужденное, негативно настроенное переживание субъектом неприятного чувства, вызванного различными причинами, выразителем которого является многозначный глагол **тарын-** «1) сердиться, злиться, гневаться; 2) возмущаться, раздражаться; 3) обижаться». В рамках данной микро-группы отношения тождества между глаголами и фразеосочетаниями представлены четырьмя синонимическими рядами: 1) синонимический ряд глаголов с общим значением «испытывать чувство злости, негодования» (базовый глагол **тарын-** в ЛСВ «сердиться, злиться, гневаться»); 2) синонимический ряд глаголов с общим значением «проявлять чувство гнева, злости, негодования» (**чабаллан-** в ЛСВ «гневаться, злиться»); 3) синонимический ряд фразеосочетаний с общим значением «злиться» (**хылығы тут-** «злиться, сердиться; букв. [его] характер держит»). За общностью инвариантного значения глаголов злости стоят их дифференциальные признаки.

Выражение в глагольной форме таких базовых эмоций, как ревность, радость оказалось скупой: эмоцию ревности выражает только глагол **кӱнне-**, радость выражается только глаголом **ӱрiн-**, и двумя глаголами во вторичных ЛСВ. Обозначение таких постоянных и длительных чувств, как любовь и ненависть также выражено небогато. Считаем, что представление в языковой форме эмоциональных переживаний отражает определенную систему представлений хакасов об окружающей действительности и явлениях, а также специфику веками сложившегося национального характера.

В четвертой главе «ЛСГ глаголов со значением говорения в хакасском языке» [с. 249-304] представлена семантическая классификация глаголов со значением говорения, выражающих важную сторону человеческой деятельности – речевой акт, характеризуя его различные аспекты. Под глаголами со значением говорения понимаются глаголы, обозначающие речевой процесс во всех его проявлениях: владение речью,

констатацию и характеристику произношения, выражение мысли, оценки, эмоции, обмена мнениями с учетом его внешних и содержательных характеристик. Объединяет их наличие в их значениях общей категориально-лексической семы «пользоваться устной речью». По своим семантическим параметрам глаголы говорения составляют следующие подгруппы:

1) глаголы говорения, характеризующие содержательную сторону речи. По характеру семантики все глаголы данной подгруппы распределены по семи синонимическим рядам глаголов со значениями: а) «обманывать», (доминанта – **алаахтыр-** в ЛСВ «обманывать»); б) «шутить» (**хормачылан-** «шутить»); в) «сватать» (**сөле-** «сватать»); г) «говорить вздор, чушь» (**салыстыр-** «говорить, болтать что попало»); д) «твердить об одном и том же» (**нахлан-** «говорить, твердить об одном и том же; ворчать»); е) «называть» (**ада-** «называть»); ё) «жаловаться» (**хоптан-** «жаловаться»). Эти глаголы в своей семантике содержат объект речи, поэтому часто строят конструкции без указания на позицию содержания речи. Такой же способностью обладают глаголы порицания (**хырыс-** «ругать», **сөкле-** «обзывать» и др.), возражения (**тоғырлан-** в ЛСВ «возражать») и др. Но классификация ЛСГ обычно строится по принципу доминирования базовых сем. В семантике глаголов порицания, доминирует сема отрицательного отношения к адресату, в глаголах возражения – сема несогласия, а в глаголах рассмотренной группы – содержание речи;

2) глаголы со значением коммуникации. Эту подгруппу составляют глаголы, тождественные по семеме «сообщать *что-л.* (*какие-либо сведения, мысли и т.д.*)». В контексте они требуют замещения позиций содержания речи и адресата. Глагол **искір-** в ЛСВ «сообщать» конституирует общую инвариантную сему подгруппы. Выделены синонимические ряды глаголов со значениями: а) «предсказывать» (доминанта – **ухаанчыла-** «предсказывать, предугадывать»); б) «доносить, доводить до сведения» (**хопта-** в ЛСВ «доносить»); в) «обещать» (**молча-** «обещать»); г) «делать *какую-л.* информацию достоянием гласности» (**чарла-** «объявлять»);

3) глаголы речевого контакта. В их семантике главенствует сема «наличие адресата речи», они обозначают отдельные реплики в диалогической речи: вопрос, ответ, согласие, возражение и этикет. Данная подгруппа состоит из синонимических рядов глаголов со значениями: а) «обращаться с вопросом к *кому-л.* с целью получить *какую-л.* информацию» (доминанта **сур-** «спрашивать»); б) «отвечать» (**нандыр-** «отвечать»); в) глаголы со значением согласия: **ына-** «соглашаться» и **чөпсер-** «поддакивать, соглашаться», они не синонимичны; г) «выражать несогласие *чьему-л.* мнению, предложению, решению и т.д.» (**тоғырлан-** «сопротивляться, возражать»); д) глаголы со значением этикета: **изеннес-** «здороваться», **анымчохтас-** «прощаться», **алғыста-** «поздравлять», **алға-** «благословлять». Некоторые исследователи [Васильев 1981¹] глаголы этикета не включают в ЛСГ глаголов говорения. Мы считаем их глаголами говорения по двум

¹ Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

основаниям: а) они называют речевой процесс, б) в своем значении содержат объект речи. Хотя эти глаголы строят конструкции без указания на позицию содержания речи, но наблюдателю известны слова, произносимые в процессах приветствия или прощания. *Мин, алнынзар иртіп, аалчыларнаң изеннескем* (Ат, 38,62) – Я, пройдя вперед, поздоровался с гостями. Из этих примеров ясно, что субъект говорил: – *Изен!* – Здравствуй!

4) глаголы со значением речевого воздействия (побуждения). Эти глаголы характеризуются проявлением волеизъявления с помощью речи и различаются между собой способами воздействия на объект побуждения. Понятие побуждения по цели и характеру совершаемого действия мы делим на три вида: а) побуждение адресата к действию (требование, приказ); б) мягкое побуждение к успокоению (просьба); в) мягкое побуждение к снисхождению по отношению к себе (мольба).

К глаголам побуждения относятся разряды глаголов с общими значениями: а) «возлагать на *кого-л.* исполнение *какого-л.* задания» (базовый глагол **чакы-** «1) наказывать; 2) приказывать»); б) «с помощью речи побуждать *кого-л.* не делать *что-л.*» (**тыс-** «с помощью речи останавливать, удерживать от какого-либо действия, унимать»); в) «терпеливо побуждать *кого-л.* успокоиться, прийти в себя» (**часхар-** «успокаивать, утешать»); г) «побуждать к *кого-л.* прийти, приехать» (**хыгыр-** в ЛСВ «1) звать; 2) приглашать»); д) «побуждать к *какому-л.* делу» (**көөктір-** в ЛСВ «подзадоривать, подбадривать»); е) «побуждать *кого-л.* дать *что-л.* вещественное [себе]» (**кіле-** / **тіле-** «просить *что-л.* вещественное»). Доминанта микрогруппы – нейтральный глагол **сурын-** «просить».

Часто эти глаголы не указывают на позицию содержания речи: просьбы выражаются не только речью, но и взглядом, жестом и т.д. Только глаголы зова, вызова, а также глаголы просьбы, требования дать *что-л.* вещественное в этом отношении специализированы;

5) глаголы со значением общения. Они обозначают процесс общения двух или нескольких собеседников без вычленения отдельных реплик и обычно не сочетаются с прямой речью. Но встречаются исключения, обобщенно передающие смысл нестройных реплик нескольких собеседников, лишенных взаимной ориентации: *Чон, Кобайның ырын истіп, чоохтасча:* – *Парасхан, ис-пай чох чуртан, ирееленді* (Ит, 133) – Народ разговаривает, слушая песню Кобая: – Бедненький, всю жизнь мучился в бедности. Глагол **чоохтас-** выражает общую для всей микрогруппы сему взаимности, остальные глаголы уточняют различные стороны общения. Семантика глаголов со значением общения двойственна: а) обмениваться с кем-л., мыслями, мнениями; б) вести разговор, беседу, что можно проследить на примерах с глаголом **чоохтас-** «разговаривать»: *Чон аразында удаа чоохтасчаңнар большевиктердеңер* (У, 22) – В народе часто **разговаривали (обычно)** о большевиках. В этом предложении есть указание на «обмен мнениями». А в предложении – *Палалары, стол ибіре одырып, чоохтасханнар* (Т, 17) – [Их] дети, усевшись вокруг стола, разговаривали –

глагол *чоохтасханнар* «разговаривали» обозначает процесс. В данном случае не указывается объект речи. В таких конструкциях немаловажную роль играют факультативные позиции, указывающие на характер протекания речи.

В составе рассматриваемой подгруппы выделены синонимические ряды глаголов со значениями: а) «разговаривать, споря, бранясь, ссорясь» (**талас-** «спорить»); б) «разговаривать громко, нестройно, оживленно» (**хысхырыс-** «кричать друг другу»); в) «разговаривать тихо» (**сыбыхтас-** «шептать»); г) «разговаривая, приходит к общему согласию (соглашению)» (**чөптес-** «1) советоваться; 2) договариваться, улаживаться»).

Глаголы со значением общения объединяются: а) по характеру общения; б) по цели общения. Однако при присутствии в предложении позиции третьего лица эти глаголы выражают однонаправленный процесс речи;

б) глаголы со значением порицания. Они обозначают негативное эмоциональное отношение к адресату представлены пятью синонимическими рядами глаголов: а) «выражать недовольство мягко, слегка» (**перін-** «ворчать, ругаться, серчать»); б) «выражать недовольство грубо, резко» (**хырыс-** «ругать»); в) «выражать высшую степень недовольства», данный синонимический ряд состоит из экспрессивных глаголов (**чабаллан-** в ЛСВ «ругаться, браниться»); г) «орать на кого-л.» (**ырдыр-** «орать на кого-л.»); д) «выражать неодобрение, давать отрицательную оценку кому-чему-л.» (**хомайла-** «хулить; ухудшать»);

7) глаголы со значением оскорбления, объединенные по общей семеме «причинять, наносить кому-л. с помощью речи обиду, моральный ущерб» и сближающиеся с глаголами порицания по признаку отрицательного эмоционального отношения к адресату. Здесь выделены синонимические ряды глаголов с общими значениями: а) «обижать, задевая чье-л. достоинство» (**сөкле-** «порочить, поносить, оскорблять; злословить; обзывать»); б) «ставить кого-л. в неприятное, затруднительное, смешное положение колкими замечаниями, намеками или другим способом» (**күл-** в ЛСВ «насмехаться над кем-чем-л., высмеивать кого-л.»); в) «говорить кому-л. колкости с целью причинения нравственных страданий» (**ачыг-** (*понуд.* от **ачы-** «киснуть») в ЛСВ «перен. язвить; говорить что-л. обидное, преднамеренно причинять кому-л. нравственную боль»).

Принадлежащий общетюркскому фонду глагол **махта-** «хвалить» – единственный глагол, который выражает положительную оценку (одобрение, похвалу) и потому частотен в употреблении.

Глаголы говорения соприкасаются с глаголами эмоции, мышления, физического действия, звучания, мимики, жеста, телодвижения, приобретающими сему говорения путем сочетания с прямой речью. Некоторые из них в результате длительного сочетания с прямой речью закрепили в своей семантике сему говорения. Также глаголы из других ЛСГ, сочетаясь с социативным объектом, приобретают сему говорения. Таким образом, в ЛСГ глаголов говорения переходят: 1) глаголы, обозначающие в основных ЛСВ звучание: а) со звукоподражательной основой; б)

обозначающие звуки, издаваемые животными и птицами; в) обозначающие звуки, связанные с явлениями природы; 2) глаголы, в основных ЛСВ обозначающие *не звучание* и включающиеся в ЛСГ глаголов говорения на основе метафоризации путем сочетания с одушевленным объектом воздействия (глаголы поглощения, физического действия).

В пятой главе «ЛСГ глаголов со значением восприятия в хакасском языке» [с. 305-339] предлагается семантическая классификация глаголов со значением восприятия. Восприятие представляет собой живую неразрывную связь человека с окружающей действительностью, тем самым, играет значимую роль в различных видах его деятельности: мыслительной, поведенческой, речевой, эмоциональной и др. При этом ученые отмечают избирательный характер процесса восприятия [Чейф 1983¹, Найссер 1981², Кубрякова 1999³ и др.]. Определенным образом это связано с тем обстоятельством, что речь порождает конкретный человек: для обозначения той или иной ситуации у него есть множество способов (слов, моделей, оборотов и т.п.), но он выбирает всегда какой-то один, наиболее адекватный. Процесс восприятия имеет субъективный статус: человек, хоть и не может влиять на ход событий, которых он воспринимает, но извлекает из него то, что хочет видеть, слышать, осязать; обработка и интерпретация полученной информации происходит в индивидуальном порядке.

К глаголам со значением восприятия относятся глаголы, отражающие тот или иной сегмент восприятия человеком окружающей действительности, выражающие получение информации о действительности, которую человек обрабатывает и классифицирует, что на последующих этапах оказывает определенное влияние на его эмоциональную, поведенческую, речевую, мыслительную деятельность. ЛСГ глаголов восприятия являются одной из важных и основных групп в лексической системе, включающей наиболее частотные глаголы на основании общности категориально-лексической семы «воспринимать окружающий мир определенным органом (зрением, слухом, обонянием, осязанием)», напр., **көр-** «смотреть», **ис-** «слышать», **чыста-** «нюхать», **тең-** «притрагиваться» и др. В ЛСГ глаголов восприятия выделяются 5 подгрупп: 1) глаголы со значением зрительного восприятия; 2) глаголы слухового восприятия; 3) глаголы касания и осязания; 4) глаголы со значением обоняния; 5) глаголы вкусового восприятия. Эти глаголы отражают процесс восприятия окружающего мира во всем его многообразии, в центре которого находится человек воспринимающий. Однако, в отличие от других глаголов антропоцентрической сферы, глаголы восприятия обозначают такие процессы, которые присущи не только человеку, но и другим живым существам, т.е. функции восприятия свойственны всем живым существам. Считаем, что принципиальное разграничение восприятия

¹ Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып.12: Прикладная лингвистика. – С. 35-74.

² Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. – 231 с.

³ Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 58. № 5-6. 1999. – С. 3-12.

окружающего мира людьми и животными состоит в осознании / познании воспринимаемой информации.

В хакасском языке отсутствует единый конкретизатор, составляющий семантическую основу данной ЛСГ, и уточняющийся в каждом члене группы с помощью дифференциальных сем. Исходя из основных способов восприятия человеком окружающего мира (при помощи физических органов), в ЛСГ глаголов восприятия легко выделяются семантические подгруппы: глаголы зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия, глаголы осязания, глаголы обоняния и глаголы вкусового восприятия.

Ядро ЛСГ составляют глаголы с наиболее обобщенным понятийным содержанием **көр-** «смотреть», **ис-** «слушать», более узкие значения у глаголов **чыста-** «нюхать», **тең-** «притрагиваться». Они же являются доминантными в подгруппах. Эти глаголы, кроме обозначения процесса восприятия, еще имеют значение способности субъекта воспринимать. А.М.Пешковский предлагает эти два аспекта противопоставить по шкале нецеленаправленности / целенаправленности процесса: «Способность воспринимать мир определенным органом чувств – это нецеленаправленный процесс (*видеть, слышать, осязать, обонять, чувствовать*), а глаголы с семой «использовать способность восприятия» выявляют целенаправленный процесс (*смотреть, слушать, пробовать, касаться*). Вторые обозначают действие благодаря тому, что включают сему «воля» и «намерение» [Пешковский 1956, с. 79]¹. В хакасском языке способность человека воспринимать мир посредством органов чувств обозначается в основном непереходными глаголами общетюркского происхождения. В употреблении они также могут быть безобъектными и, тем самым, выражать способность человека воспринимать окружающую действительность, например глагол **ис-** «слушать» обозначает «иметь слух». *Кирібіскенде, Сандырның харахтары хомай көр сыхханнар* – У Сандра, когда он стал стариться, глаза плохо стали видеть. *Уучамның хулахтары чарых, ам даа чохсы исче* – У [моей] бабушки уши здоровые (букв. светлые), она хорошо слышит. Глаголы **ис-** «слышать» и **көр-** «видеть» выражают значение улучшения, ослабления или полной потери сенсорной способности (*плохо / хорошо слышать (видеть)*).

По поводу выделенных А.М.Пешковским глаголов, относящихся ко второй категории по семам «воля» и «намерение»², хотелось бы добавить, что в хакасском языке эти семы «включаются» в семантику не одного, а разных глаголов, что рассмотрим на примере глаголов **көр-** «смотреть, видеть», **ис-** «слышать» с одной стороны и **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обзирать, озираться вокруг», **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать» – с другой. Эти глаголы противопоставлены друг другу по семам нецеленаправленности /

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.

² Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. – 512 с.

целенаправленности процесса и активности / пассивности субъекта. *Хараам сискенче дее ылгазам, харах чазымны көрбессің* (П, 98) – Я, хоть и буду плакать до опухания глаз, но ты **не увидишь** моих слез. *Пазох пессер одыңнар сукчам. От – нанчы, сыгырыбыс, истим* (В.Майнашев) – Опять я кладу полена в печку. Свистни, друг Огонь, я **послушаю**. *Ибіре харахсынзабыс, пістің чирдең ооллар парох полтыр* (Чкч, 216) – Мы **поозирались** вокруг: оказалось, что из нашей родины там были и другие парни. *Агам тадар ибде нымахты, хайлап, ысчатханын тыңнирға хынчаңмыс* – Мы **любили подслушивать**, как [наш] дед рассказывал сказания горловым пением. В контекстах с глаголами **харахсын-** и **тыңна-** наблюдается целенаправленное действие: субъект прилагает усилия для совершения этих действий.

Глаголы зрительного восприятия (**көр-** «смотреть, видеть», **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг») и слухового восприятия (**ис-** «слышать», **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать») симметричны и образуют определенную субъектно-объектную корреляцию: в первом случае глаголы **көр-** «смотреть» и **ис-** «слышать» – нейтральны в объектном отношении, значение вторых глаголов – **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг») и **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать» – специализировано, в них содержится указание на целенаправленность действия: смотреть / слышать с целью увидеть / услышать что-л. *Малларымны харахсынып, нас чөрчем* – Я хожу и **высматриваю свой скот** (т.е. хожу в поисках своего скота). *Радиодаң хакас сарыннарын тыңнапчам* – Я **слушаю хакаские песни** по радио. *Олғаннараның чоогын ситкіп тыңнапчалар* – Дети **внимательно слушают** его рассказ. Как показывают примеры, субъект при этих глаголах активен и совершает целенаправленные действия. Это обстоятельство вытекает также из факта выбора специализированных глаголов: **харахсын-** «высматривать что-л.», **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться».

Благодаря нейтральности своей семантики первые глаголы (**көр-** «смотреть» и **ис-** «слышать») характеризуются широкой употребительностью в речи и широким диапазоном сочетаемости, вторые (**харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обозревать, озираться вокруг») и **тыңна-** «внимательно слушать; прислушиваться; подслушивать») требуют обязательного присутствия объектного указателя: высматривать / подслушивать + *что*. Субъект не может влиять на текущий процесс, но он может проявить волю в отношении к нему. На примере двух категорий глаголов мы рассмотрели эти два действия с точки зрения их нецеленаправленности / целенаправленности, проявление которых зависит только от фиксации зрительных и слуховых возможностей субъекта.

Глаголы восприятия при помощи залоговых аффиксов часто допускают грамматический сдвиг в основе, за счет которого их семантика имплицитно указывает имя субъекта, напр., **көрін-** «смотреться, виднеться», **истіл-** «слышится»,

чыстан- «пахнуть», **тыцнан-** «прислушиваться». Частотный глагол **истіл-** «слышаться» образован путем присоединения к основе **ис-** «слушать, слышать» аффикса страд. залога **-іл-**. В своем синтагматическом окружении он указывает на содержание восприятия, а субъект обычно имплицитно. *Хайдаң-да сарыннар истілче* – Слышно, как где-то поют песни. *Пирееде наа хазып тооссабыс, «Алнынзар!» тiп команда истілче* (Чкч, 217) – Иногда как только закончим копать, слышна команда «Вперед!». В данном случае в пресуппозиции допускается присутствие пассивного субъекта «за кадром» [выражение Е.В. Падучевой: 2004, с. 210]¹, но формально он не занимает никакой синтаксической позиции в предложении. При этом он воспринимает звучащий объект, не направляя на него свое внимание и не прилагая каких-либо дополнительных усилий.

Глагол **тыцнан-** «прислушиваться» мы относим к ментальным глаголам со значением внимания, где он состоит в подгруппе глаголов, выражающих внимание как психофизиологический процесс.

В хакасском языке имеются лишь два глагола, репрезентирующих восприятие запаха: **чыста-** «нюхать» и **чыстан-** «пахнуть, вонять», образованный путем присоединения к основе **чыста-** «пахнуть» аффикса возвратного залога **-н-**. Глагол **чыста-** относится к категории глаголов, в семантике которых доминирует активный аспект восприятия и выражающих активное целенаправленное действие субъекта во внешние источники, как, напр., **тыцна-** «1) внимательно слушать; прислушиваться; 2) подслушивать», **харахсын-** «1) высматривать что-л., находящееся вдали; 2) обзирать, озираться вокруг». Субъект при этих глаголах, хоть и не совершает видимых физических действий, но прилагает некоторые усилия для активации своих способностей воспринимать ситуацию.

Поскольку в процессе активного восприятия запахов чаще участвуют животные, то в языковом выражении субъектом при глаголе **чыста-** «нюхать» чаще выступают животные. Здесь используется фразеосочетание **чыс тарт-** «нюхать; букв. притягивать запах». *Харачул пазында адайлар киик палазының чызын тартханнар* (Чкч, 196) – В верховьях Черной речки собаки почуяли запах оленя. Человек же активно использует свое обоняние только по отношению к хорошим запахам. *Пу чахсы, аарлыг духи, чыстап көрдек* (Ат, 41) – Это хорошие, дорогие духи, понюхай-ка. *Карина сабын чызын чыстирга хынча* – Карина любит вдыхать запах мыла.

Вкусовое восприятие по физиологическому критерию несколько сближается с обонятельным восприятием. В начальном этапе принятия пищи человек чаще отведывает небольшое количество пищи, чтобы оценить / определить по шкале съедобное / несъедобное или нравится / не нравится. Глаголы вкусового восприятия относятся к глаголам физиологического действия, касающимся сферы питания, однако сема «восприятие вкуса» в их

¹ Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 608 с.

семантике является доминирующей. От глаголов со значением поглощения пищи (**чи-** «есть», **азыран-** «кушать», **ис-** «пить» и др.) глаголы вкусового восприятия отличаются объектной характеристикой, т.е. малой дозой поглощаемой пищи. Базовым глаголом вкусового восприятия является **амза-** «пробовать что-либо на вкус (чтобы определить его вкус или готовность)». *Чайгыда полза, аарлыг аалчым, чистек аймагын амзирзың* (Н.Идимешева) – Если летом приедешь, мой дорогой гость, то каких только ягод ни попробуешь. В роли объекта при глаголе **амза-** выступают наименования каких-либо кушаний или напитков. Вкусовое восприятие может быть выражено и аналитической конструкцией с модификатором **көр-** «смотреть»: **чип көр-** «попробуй поесть», **ызыр көр-** «попробуй откусить», **тайнап көр-** «попробуй пожевать», **ис көр-** «попробуй попить», **салдап көр-** «попробуй погрызть», **кимір көр-** «попробуй погрызть». *Ўзүрениң тузы читчебе, амзап көрген* – Попробовал суп, чтобы проверить хватает ли соли. *Стол үстүндегі банкадагы сүтті ис көрген* (Хч, 68) – Попробовал молоко из банки со стола. *Пысхалах нымырты чип көрген, ачыг, түкүрбіскен* – Попробовал есть незрелую черемуху, кислая, не понравилось, плюнул.

Таким образом, структурную модель глаголов восприятия образуют не только простые синтетические глаголы (**көр-** «смотреть», **ис-** «слышать, слушать», **тең-** «1) задевать, дотрагиваться, прикасаться, притрагиваться; 2) касаться, трогать», **сыйба-** «1) гладить; 2) ощупывать»), но и аналитические конструкции с модификатором **пар-** «идти» (**тееп пар-** «задеть, задевать», **наарыл пар-** «1) задеть, опереться; 2) наткнуться» и др.), репрезентирующие одноразовость и внезапность касания объекта и с модификатором **көр-** «смотреть» (**сас көр-** «попробовать толкнуть», **тайнап көр-** «попробуй пожевать», **ис көр-** «попробуй попить» и др.), выражающие значение вкусового восприятия.

В шестой главе «ЛСГ глаголов со значением поведения в хакасском языке» рассматриваются глаголы со значением поведения как фрагмент отражения традиционного мировоззрения хакасов и дается их семантическая классификация [с. 340-366]. ЛСГ глаголов поведения в лексическом плане представлена богато и разнообразно (255 ед.). Семантика глаголов поведения имеет свои особенности. Решая вопросы структурирования системной организации глаголов психической деятельности, исследователи редко относят глаголы поведения в состав глаголов психической деятельности. Мы считаем, что изучение глаголов поведения в составе глаголов психической деятельности позволяет выявить скрытые в их семантике особенности характера и привычек субъекта, эмоциональные и рациональные составляющие выражаемого ими действия. Другой аспект семантики глаголов поведения заключается в том, что в них содержится психический компонент, в зависимости от его характера глаголы называют действия субъекта: а) с точки зрения их оценки наблюдателем (вести себя хорошо / плохо); б) с точки зрения его намерений (*кокетничать, выпендриваться* и т.д.). Глаголы поведения отражают не само поведение субъекта, а, прежде

всего, интерпретацию поведения сторонним лицом – наблюдателем (или говорящим) через его видение и оценку ситуации. Поведение как социально значимая категория располагается в области представлений хакаса об эталонном, образцовом поведении. Наблюдатель (или говорящий) определяет, соответствует или не соответствует то или иное поведение общепринятому в обществе стереотипу. Данный факт указывает на то, что исследование глаголов данного направления основывается на проявлении интереса к познанию хакасского языкового менталитета, а также особенностям становления и развития национальной культуры. Концепт поведения в целом отражает зависимость индивида от внешнего мира, от внутренних общепринятых стереотипов поведения. Социальные представления об общепринятых нормах поведения переходят в оценку действия субъекта поведения на предмет соответствия или несоответствия установленным этическим нормам. Поэтому «общество в целях своего сохранения и развития вырабатывает целую систему правил (норм), отражающих в совокупности его интересы. Наибольшую опасность для общества представляют действия, не соответствующие общепринятым нормам: *лодырничать, мошенничать, хитрить, дебоширить, хамить*» [Вепрева, Кусова, Матвеева 1989, с. 57]¹. Такая трактовка оценки поступков, возможно, является объяснением того, что в ЛСГ глаголов поведения хакасского языка, как и других языков, преобладают глаголы (92%), называющие различные формы негативного поведения. Такое неравное расположение положительных и отрицательных оценок действий субъекта объясняется, на наш взгляд, внутренней психологической защитой наблюдателя и его стремлением к соответствию этическим нормам поведения. Глаголы типа **көйтүктен-** «хитрить, лукавить, притворяться», **чаптан-** «жадничать, скупиться, зариться», **чойырха-** «подхалимничать, подлизываться, угодничать, лицемерить, лебезить», **алаамдырлан-** «дурачиться, вести себя бестолково, взбалмошно», **ээрін-** «лениться, лодырничать» и др. стилистически нейтральны, значит, в их семантике в меньшей степени содержится субъективное начало. В них отражаются факты того, что кто-то действительно хитрит, подхалимничает, жадничает, ленится или дурачится. Но большая часть глаголов отражают субъективное отношение говорящего к действиям субъекта в зависимости от его личных представлений о нормах нравственности, напр., **чичеңне-** «кокетничать (с целью обратить на себя внимание); разг. рисоваться; красоваться (больше о женщинах)» [ХРС 2006, с. 974]², **алын- I** «сходить с ума, помешаться; глупеть», **хынал-** «симпатизировать, заигрывая, обращать внимание на себя, приставать, привязываться». *Амды агаа чичеңнирге дее маң чоғыл, ирге*

¹ Вепрева И.Т., Кусова М.Л., Матвеева Т.В. Парадигматическая структура глагольных ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1989. – С. 40-61.

² Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, М.Д. Чертыкова и др. Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

парзанына чоо ачырганча полар – Сейчас ей некогда **красоваться**, наверно сильно сожалеет, что вышла замуж. *Алын паргазың ма, хончим, мині таныбыныбысхазың ма?* – Сосед, **с ума сошел**, что ли? Меня не узнаешь? Эти примеры показывают, что глаголы поведения не столько называют само действие, сколько его оценивают и интерпретирует наблюдатель. Таким образом, на оценку поведения субъекта влияют два фактора: а) в сознании людей существуют определенные стереотипные представления о норме поведения, отклонения от которой осуждается в сознании людей; б) глаголы поведения более, чем другие семантические группировки глаголов, являются фрагментом отражения в языке национального мировоззрения, видения мира, ментальности и духовного опыта языковой личности.

Немало глагольных лексем, особенно, фразеологическая ее часть, отражает богатство эмоциональной природы человека, здесь демонстрируется тесная связь языковой картины мира с эмоциональной сферой жизнедеятельности человека. Напр., **харах хызар-** «букв. глаз покраснел; возгордиться, соотв. русскому «с жиру беситься». *Харасхы соохтарда, піс чіли, тасхар халтырап хонмаан ол, чылыг турада харагы хызарча* – Он разве, как мы, в холодные ночи на улице ночевал, с жиру бесится в теплом доме. Глагол **айналан-** образован от существительного **айна** «черт» при помощи словообразующего аффикса **-лан-**. Как глагол поведения, он действует в ЛСВ «бушевать, делать что-л. во вред кому-л.». *Апсах айналан сыххан, прайзын ибінең сыгара сүр сыххан* – Старик **стал бушевать**, всех стал выгонять из [своего] дома. Глагол **ирденне-** в ЛСВ «задираться, петушиться». – *Чир дее эне зе. Хайах тыхча поларлар, – ирдеңнеен Колка* – Да, так и есть. Они там масло жрут, – петушился Колка. Такие глаголы передают эмоциональное отношение говорящего к субъекту, его поступкам, действиям.

Наиболее многочисленны подгруппы глаголов со значениями: а) «вести себя притворно, неестественно» (58 ед.), напр., **чиитсірке-** «молодиться, стремиться быть моложе», **поғдарха-** в ЛСВ «важничать, кичиться, чваниться», **көзерке-** «гордиться, зазнаваться, важничать, хвалиться, хвастаться, кичиться», **пойданна-** «разг. держаться надменно, высокомерно», **күлүксірке-** «стремиться показать себя умным, работающим, хватким», **сүмелен-** «хитрить, притворяться, симулировать», **хочаңна-** «рисоваться, кокетничать» и др.; б) «вести себя агрессивно по отношению к окружающим» (38 ед.), напр., **тыранна-** «разг. задираться, приставать, лезть к кому-л., затеявая ссору, драку», **орданна-** в ЛСВ «скандалить, задираться», **ирденне-** «задираться, петушиться», **хыпчактан-** «проявлять злобу, норов, раздражение; раздражаться, злобиться», **айналан-** в ЛСВ «бушевать, делать что-л. во вред кому-л.», **хайна-** в ЛСВ «перен. скандалить» и др. Внутри подгрупп глаголы по дифференциальным признакам подразделяются на определенные микро-группы и синонимические ряды. Многочисленность глаголов с подобной семантикой говорит о повышенном внимании в национальном языковом менталитете к проявлениям, не соответствующим

добродетели. Здесь мы отмечаем непримиримое отношение в хакасском сознании к таким человеческим качествам, как хитрость, чванство, зазнайство, кокетство и т.д., что соответствует общечеловеческим нравственным нормам. Такое же разнообразие языковых выражений, осуждающих пороки, можно наблюдать и в других языках. Осуждая чье-либо легкомысленное и недобросовестное поведение, хакасы так же, как и другие народы, ценят такие качества, как честность, правдивость, чистосердечность, которые составляют основу хакасской культурной традиции, и из поколения в поколение прививают эти нравственные устои своим детям. Глаголы с общим значением «вести себя агрессивно по отношению к окружающим» также отражают осудительное отношение к проявлению агрессии, совершаемой в повседневной и разнообразной деятельности. Таким образом, глаголы со значением поведения, являясь отражением определенных фрагментов процессуального и событийного мира человека, позволяют выделить особенности восприятия человеком окружающей действительности. Поскольку в основе концепта поведения лежит оценка действий субъекта наблюдателем, и большинство глаголов поведения обозначают осуждаемые действия, то здесь проявляются представления народов об эталонном, образцовом и нравственном поведении.

При семантической классификации глаголов поведения мы считаем наиболее существенным дифференциальный признак в семантике глагола, указывающий на характер поведения субъекта: вести себя + как. Данный признак является основным критерием обозначения понятия «поведение», что, по сути, представляет собой ярко выраженную оценку поведения субъекта с точки зрения наблюдателя. Также немаловажным считается стимул поведения: почему субъект ведет себя тем или иным образом (хочет понравиться окружающим, показать себя с наилучшей стороны или добиться каких-либо других целей). Исходя из наличия данных признаков в семантике глаголов поведения, мы их делим на три категории: 1) глаголы, называющие поведение с точки зрения оценки наблюдателем; 2) глаголы, называющие поведение с точки зрения намерения субъекта. Но в том и другом случае на семантическую структуру данных глаголов накладывается закадровая эмоциональная и экспрессивная оценка наблюдателя (в меньшей степени, на глаголы второй категории) с учетом значимых для полноты действия условий коммуникации; 3) К данной категории мы относим глаголы, в семантике которых признаки оценки действий субъекта наблюдателем и намерения субъекта не являются доминирующими, но это не означает, что они отсутствуют. Это глаголы, лишенные стилистической маркировки или же со сниженной стилистической маркировкой. Всего нами выделено 22 семантических подгрупп глаголов, а также отдельная подгруппа, включающая 18 одиночных глаголов, представляющих названные категории. Если учитывать словообразовательные возможности глаголов, то общее количество может быть гораздо больше. В хакасском языке активно действует аналитическая конструкция на **-ачых пол-**, выражающая значение

«притворяться делать что-л.». Эту форму может принимать любой глагол, обозначающий сферу деятельности человека, напр., **парачных пол-** «притворяться идущим; делать вид, что идешь»; **азыраначых пол-** «притворяться кушающим; делать вид, что кушаешь», **тогыначых пол-** «притворяться работающим; делать вид, что работаешь» и т.д. Все эти глаголы по общему категориально-лексическому значению также относятся к разряду глаголов поведения, однако им требуется исследование с синтаксической точки зрения, поэтому в данном исследовании мы можем констатировать лишь факт их существования.

В седьмой главе «Типовая сочетаемость глаголов психической деятельности в хакасском языке» рассматриваются синтагматические способности хакасских глаголов психической деятельности с позиции их типовой сочетаемости [с. 367-417]. В кратком введении проанализированы работы В.В.Богдановой [1977]¹, Л.Г.Бабенко [1989]², Р.М.Гайсиной [1980]³ и др. В работе используются также положения и наработки в синтаксисе тюркских языков Южной Сибири представителей Новосибирской научной синтаксической школы, созданной выдающимся лингвистом, профессором М.И.Черемисиной⁴. Эти исследования направлены на изучение системы моделей, отражающих организацию простых и сложных предложений, в том числе, и свойств сочетаемости глаголов, входящих в те или иные ЛСГ, через характеристику его семантических признаков.

Глаголы одной ЛСГ обычно имеют однотипную грамматическую и лексическую сочетаемость, поскольку это члены одного грамматического разряда, связанные общей категориально-лексической семьей и типовыми дифференциальными признаками. Учет этих двух типов сочетаемости позволяет выделить типовую сочетаемость глаголов одной ЛСГ, т.е. дать определенную синтагматическую характеристику тех позиций, которые представлены в конструкциях глаголов. С другой стороны, определяющую роль в сочетаемости глагола играет его принадлежность к определенной ЛСГ. Общность значения глаголов приводит к единообразию их синтагматических свойств. В свою очередь семантика зависит от сочетаемости. Например, глагол **салда-** «грызть» приобретают значение

¹ Богданова В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 204 с.

² Бабенко Л.Г. Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложения // Лексико-семантические группы русских глаголов. – Иркутск, 1989. – С. 97-113.

³ Гайсина Р.М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения): Пособие по синтаксису. – Уфа, 1980.

⁴ Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1995. – С. 3–22; Черемисина М.И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1997. № 4. – С. 63-68; Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Любава, 2008. – 205 с.; Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: автореф. дисс... докт. филол. наук. – Новосибирск, 2004; Озонова А.А. Средства выражения семантики желательности в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. Вып. 11 / под ред. Н.Б.Кошкаревой. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 194-210; Серээдар Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1995; Тазранова А.Р. О месте бивербальных конструкций с глаголами бытия среди аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11 / под ред. Н.Б.Кошкаревой. – Новосибирск: НГУ, 2003. – С. 210-222 и др.

говoreния (долгого и нудного порицания) путем сочетания с объектом воздействия, выраженным одушевленным именем: *Ибде міні ипчїм салдапча, ахча асхынах тогынчазың тїп* – Дома меня жена грызет: мол, мало денег зарабатываешь.

Совокупность позиций составляет общую характеристику моделей предложений с глаголами определенной семантики, относящимися к одной ЛСГ. Анализ синтаксического окружения глаголов эмоции показывает, что синтагматическую цепь заполняют позиции субъекта и причины (стимула, источника). Наиболее разнообразной характеристикой валентности обладает позиция причины (стимула, источника), выражающаяся типовыми синтаксическими оформлением. В конструкциях определенной части ментальных глаголов, глаголов говорения, эмоции позицию объекта занимают имена в вин. п., придаточное предложение со связкой *тїп*, имя со связкой *тїп*, прямая речь, делибератив и инфинитив.

Взаимодействие глаголов разных ЛСГ также проявляются в наличии общих типовых позиций. Так, глаголы зрительного восприятия формально пересекаются с глаголами физического воздействия и глаголами мыслительной деятельности в управлении объектом в вин. п., обозначающим полное обладание субъектом объекта: *Сїрер оңнаңар, палаларны чахсы кўрерге кирек, уламох кїчїг палаларны* – Вы поймите, за детьми нужно смотреть хорошо, особенно – за маленькими детьми. *Паланы пик тут – Держи ребенка крепко.*

В конструкциях глаголов со значением поведения участвуют субъект и часто факультативные позиции: характеристика поступка, поведения или субъекта поведения, время, место, следствия поведения и др. *Син тїгдермындар толгалглаба. Мылтиңар парын мин пїлбинчем ме?* (В. Кобяков) – Ты туда-сюда не увиливай. Разве я не знаю, что у вас ружье? *Алымын тўлїрге хынмин, хойрал чўрче* (чоох тїлі) – Хитрит, чтоб не платить долг.

Средства репрезентации субъекта характеризуются различной уровневой стратификацией (лексические, морфологические, лексико-морфологические и др.), частотностью и т.п. Субъект при глаголах с антропоцентрической семантикой отличается от субъектов с предметной направленностью. С точки зрения логики, субъект предстаёт как деятель мысли, одушевлённое лицо и носитель интеллектуального признака. Он воспринимается как человек со своими взглядами на окружающий мир, мнением, внутренними переживаниями, способный мыслить, понимать, анализировать, а порой и терять способность осознавать происходящую ситуацию или утрачивать в памяти какие-либо сведения и информацию. Субъект и предикат взаимозависимы в смысловом отношении: думать, говорить, понимать, вести себя, радоваться или печалиться может лишь одушевлённое лицо, но не предмет, явление или признак, следовательно, имеют место и семантические ограничения в логико-грамматическом и функциональном плане. В связи с такими требованиями лексического наполнения главных членов предложения, позиция субъекта заполняется

именем одушевлённого лица, способного совершать (или испытывать) какие-либо ментальные, поведенческие или эмоциональные действия.

При глаголах со значением психической деятельности наиболее распространенной формой выражения объекта являются имя и придаточное предложение с заглавным словом в вин.п. При ментальных глаголах объект в форме вин.п. выражает содержание мысли (явления окружающей действительности). Исходя из анализа материала, в хакасском языке мы выделили 6 семантических групп имен, потенциально замещающих позицию объекта в вин. п. в конструкциях ментальных глаголов: 1) имена существительные, выражающие имя действия или деятельности человека; 2) имена существительные со значением определенной формы высказывания; 3) имена с семантикой одушевленного объекта (*человек, конкретное имя, животные*); 4) предметы пользования; 5) состояние живых существ (психологическое, физиологическое); 6) абстрактная лексика. Однако не все ментальные глаголы управляют объектом в вин.п. Логически не соотносятся с прямым объектом глаголы со значением мнения: **сана-** «считать», **сағын-** в ЛСВ «считать», **көр-** в ЛСВ «считать, полагать».

Вин.п. объекта при глаголах говорения обозначает значение сущности высказывания. Но при сочетании глаголов говорения с объектом в форме вин.п. не прослеживается значение явного давления на объект, что объясняется тем, что глаголы говорения обозначают не конкретное физическое действие, а акт, воспринимаемый слухом. Мы выделяем три семантических типа слов, выступающих в роли прямого дополнения при глаголах говорения: а) имена существительные со значением определенной формы высказывания – это существительные с абстрактным значением, связанным с речью: **чоох** «рассказ», **сӱс** «слово», **чыхыҕ** «наказ», **чӱп** «совет» и т.д.; б) имена существительные со значением внутреннего эмоционального переживания или мышления типа **кӱӱленіс**, **хыныс** «любовь», **хомзыныс**, **пичел** «печаль, грусть», **ӱрніс** «радость» и т.д.; в) имена существительные, обозначающие деятельность человека, типа **кирек** «дело», **чорых** «путешествие» и т.д.; г) местоимения **ниме** «что», **ниме-де** «что-то».

В роли объекта в предложениях перцептивных глаголов выступает существительное или субстантивированное причастие в форме вин.п. *Лейтенант ікінчі хадарчыны сым идібіскенін көрбін халгам* (Чкч, 165) – Я не увидел, как лейтенант заставил замолкнуть второго караульного. *Сині көрпін алган ползам, пір де хомзынмасчыхпын* – Если бы хоть [я] увидел тебя, я не переживал бы вообще. Объекты восприятия позволяют реконструировать те фрагменты мира, которые актуальны для субъекта.

При тактильных глаголах объектом являются названия материальной сущности, то, что можно потрогать руками, пощупать. Однако выражение процессов вкусового, тактильного и обонятельного восприятия имеет свою специфику. Значение вкусового восприятия передается одним из ЛСВ многозначного глагола **көр-** «видеть» – «пробовать на вкус и еду», где в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для

пробы. При глаголах вкусового восприятия объект выражается существительными или местоимениями, обозначающими продукты питания. *Пу сүмтi прайзы махтапча, амзан көрдек* – Все хвалят это молоко, попробуй-ка.

Под объектным инфинитивом понимается инфинитив, выполняющий функцию объекта при глаголе с объектной валентностью. В ЛСГ ментальных глаголов инфинитивным объектом чаще управляют глаголы со значением намерения. При глаголах говорения объектный инфинитив характеризуется строго определенной семантикой: он обозначает действие, к которому побуждается объект воздействия и является нераспространенным способом выражения позиции содержания речи. Иногда позиция объектного инфинитива имеет обыкновение выпадать, в связи с чем меняется аффикс предыдущего слова. В нижеприводимых примерах в скобках дается предполагавшийся выпавший инфинитив **нымзан-** «велеть»: *Ол Опанның ічезін аар тогыстарга нымзанчаң (тогыстарда тогынарға)* (Ткө,104) – Он маму Опана велел (работать на тяжелых работах) на тяжелые работы. *Ир полза, андаг поларға кирек. «Тілге» (тіл ағыл килерге) нымзанзабыс* – «тіл» *сөзір килче* (Ткө, 132) – Если быть мужчиной, то надо быть таким. Если велим за «языком» (привести «языка») – приволакивает «язык».

Если объектный инфинитив при глаголах мыслительной и речевой деятельности выражает намерение, желание субъекта что-либо делать, то при глаголах эмоции (в частности, глаголы стыда и страха) он обозначает действие, которого остерегается субъект. Глаголы со значениями восприятия и поведения исключают сочетание с объектным инфинитивом.

Делиберативный объект называет тему речи или мысли и является пропозиционным участником действия, выражаемого, большей частью, глаголами речи, т.к. выражает понятие «о ком – о чем идет речь», с глаголами эмоции, где делибератив раскрывает причину эмоционального переживания, и реже – с ментальными глаголами. В хакасском языке делиберативный объект оформляется формой на **-наңар/-неңер, таңар/-теңер, -даңар/-денер**, которая считается сравнительно молодой. Им управляют глаголы говорения и некоторые глаголы мышления (думать о ком-чем-л.), эмоции (печалиться, переживать о ком-чем-л.). С делиберативным объектом, обычно предполагающим целую серию высказываний, семантически соотносятся глаголы говорения, склонные иметь в своем значении сему длительности речевого процесса и глаголы с семантикой многократного высказывания. Из ментальных глаголов в управлении делиберативным объектом наиболее частотным отмечен глагол **сағын-** в ЛСВ «думать». *Үлгее киліп алып, пайып алардаңар ла сағынчалар* (Хч, 2) – Придя во власть, думают только о том, как бы разбогатеть.

В ЛСГ глаголов эмоции делиберативным способом раскрывают причину эмоции глаголы со значением беспокойства, а также некоторые глаголы со значением печали. *Мының соонаң мині синнеңер пичеленминче тібессің, неке* (По, 255) – После этого ты **не скажешь, что я не переживаю о тебе.**

Застывшая деепричастная форма глагола **tі-** «сказать» – **tіп** «букв. говоря» является распространенным средством связи (или служебным словом) между глаголом и придаточным предложением в тюркских языках, выражающим различные значения: причину, цель действия, предназначенность предмета для кого- чего-л., принятие *кого* или *чего-л.* за *кого* или *чего-л.* и т.д. и переводится на русский язык как *мол, что*.

Связка **tіп** соединяет некоторые глаголы не только с придаточным предложением, но и с именем. Управляют данной формой объектной конструкции чаще глаголы говорения, это глаголы названия (**ада-** «называть, звать», солала «кликать»), эмоционального отношения (**сөкле-** «обзывать», **күл-** «насмехаться», **хатхыр-** «насмехаться»), эмоциональной оценки (**хырыс-** «ругать», **көксет-** «заставить себя ругать»). Наиболее частотным глаголом, доминирующим над объектной конструкцией со связкой **tіп** является глагол **сағын-** в следующих ЛСВ: 1) «думать». *Миргенек, ибiре көргеп, ниме итчең зе тiп сағынып турған* (Км, 4) – Миргенек, оглядываясь вокруг, стоял и думал, мол, что же делать; 2) «считать». *Пiреези ол кибелiстернi оой насча тiп сағынчаң* (Хч, 5) – Кто-то считал, что он легко пишет стихи; 3) «предполагать». При актуализации значения предположения или намерения в зависимой части доминирующего глагола **сағын-** сказуемое оформляется формой будущего времени: *Мин синi андаг полар тiп сағынмаам* (По, 54) – Я не думал (не предполагал), что ты такой. *Мында хоосчының саринаң көмес алчаас полар тiп сағынчам* (Хч, 7) – Предполагаю, что здесь со стороны художника, возможно, есть небольшая ошибка. Здесь сказуемое **полар-** привносит в высказывание модальное значение предположения. Если глагол **сағын-** реализует значение возможности действия, то объект при нем формируется сочетанием аффикса сослагательного наклонения **-чых** со связкой **tіп**: *Наа чылга харындазым ибзер айланарчых тiп сағынча оолагас* – Вернулся бы мой брат к новому году, думает мальчик.

В ЛСГ глаголов эмоции придаточное предложение со связкой **tіп** является распространенным способом раскрытия причины эмоционального переживания, им управляют глаголы со значениями радости, удивления, удовлетворения, злости, гнева и брани, раздражения и др.

Глагол эмоции, как и глагол говорения, управляет как прямой речью, так и придаточным предложением со связкой **tіп**. В таких контекстах глагол эмоции заменяется с глаголом говорения: *Хайди мындаг хара төрiп пардым тiп, ачырганча* – Сильно сокрушается, мол, почему я родилась такой черной = *Хайди мындаг хара төрiп пардым тiп, чоохтанча* – Говорит, мол, почему я родилась такой черной.

При глаголах говорения основной формой содержания речи является прямая речь. Многие глаголы эмоции способны в контексте заменять глагол говорения, не теряя своего основного значения. Конструкция с прямой речью складывается из авторской ремарки, где указан субъект речи и полной дословной передачи его речи. *Амды чыхсы род малым полар, – өрiн парип*

Мондай хан – Сейчас у меня будет хорошая порода скота, – **радуется** хан Мондай.

Таким образом, принадлежность глаголов к определенной группировке на основании наличия общих сем в семантике предполагает сходство их синтагматических свойств, что предопределяет способы их функционирования в предложении.

В **Заключении** изложены итоги проведенного исследования и намечены вопросы, на которые следует обратить внимание в дальнейшем [с. 418-425]:

1) исследование глагольной лексики в хакасском языке позволяет выявить когнитивное содержание, которое репрезентирует фрагмент сложившейся в хакасском этносе языковой традиции мировидения. Антропоцентрический подход заключается в осознании того, что именно деятельность человека в социуме приводит в движение внутренние механизмы варьирования, скрытые в системном характере языка. На протяжении многих столетий в Саяно-Алтайском нагорье формировался своеобразный вариант национального характера проживающего там народа, связанный со многими факторами: ареал проживания, традиционный образ жизни, кочевничий статус, язычество. Но чаще всего мировоззрение народа связано с их национальной и конфессиональной принадлежностью. Глаголы психической деятельности – есть один из аспектов проявления антропоцентризма; особенности и специфика формальной и семантической структуры, характер их взаимоотношений внутри семантических группировок, в частности, ЛСГ, рассматриваются нами как фрагмент языкового отражения хакасского мировидения;

2) определены объем и границы поля глаголов психической деятельности, как объекта изучения, и создана фактологическая база для лингвистического исследования. Наша картотека содержит около 5000 примеров на употребление анализируемых глаголов, собранных методом сплошной выборки из художественных и фольклорных текстов, из публицистики, а также из разговорной речи. В данном исследовании подверглись функционально-семантическому анализу 685 глаголов со значением психической деятельности. Здесь уместно сказать и о качестве собранного материала. Обычно лингвистические исследования хакасского языка строятся на материале литературного языка, существование других форм национального языка, в частности, диалектов, являющихся в Хакасии средством общения значительной части населения, часто не принимается во внимание. Однако диалектный материал, как и другие ресурсы хакасского языка, разговорно-бытовая речь, специальная и этнографическая лексика, устаревшие слова, историзмы и ФЕ дают представления об этническом своеобразии поля глаголов психической деятельности, как одним из составляющих хакасского мировидения. Поэтому в ЛСГ глаголов со значениями эмоции, поведения, говорения, мышления и восприятия включены слова не только литературного языка, но и других лексических категорий. Тем самым наше исследование проводилось через призму

этноспецифичности взгляда на мир и реконструкции национальной картины мира. Традиционно в переводных словарях хакасского языка значение лексических единиц определяется без опоры на семный анализ. Наш анализ семантической структуры глаголов проводится с учетом их реализации в тексте и подтверждается достаточным количеством примеров на каждую реализацию того или иного значения;

3) выделены границы ЛСГ глаголов со значениями мыслительной деятельности, эмоции, говорения, поведения и восприятия, а также обозначены сферы их соприкосновения на основании многозначности глаголов. В качестве приемов и методов выделяются интуиция исследователя, подкрепленная сочетательными, типовыми способностями лексем; метод ступенчатой идентификации, компонентный анализ, смысловой критерий, семантические отношения и др. Отдельной проблемой при выделении границ ЛСГ стоит явление многозначности, подкрепленная сочетательными типовыми, способностями лексем и за счет которой глагол может состоять сразу в двух или более ЛСГ;

4) определена внутренняя структура поля глаголов психической деятельности в хакасском языке: составлены семантические классификации: 1) ЛСГ глаголов мыслительной деятельности, объединенных по категориально-лексической семе «осуществление ментальной деятельности». На первой ступени классификации ментальной деятельности делятся на 2 подгруппы: глаголы со значением мышления (идентификатор – глагол **сағын-** «думать») и глаголы со значением знания (идентификатор **пiл-** «знать»); 2) ЛСГ глаголов со значением эмоции, внутри которой глаголы делятся на 3 категории: а) глаголы со значением положительной эмоции; б) глаголы со значением отрицательной эмоции; в) глаголы со значением нейтральной эмоции. Идентификатор в данной группе отсутствует; 3) ЛСГ глаголов со значением говорения, внутри которой глаголы по общности инвариантных признаков образуют семь семантических подгрупп. Идентификатор – глагол **чоохта-** «говорить, рассказывать»; 4) ЛСГ глаголов со значением восприятия, внутри которой выделяются пять семантических подгрупп: глаголы со значением зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия, глаголы касания и осязания, глаголы со значением обоняния, глаголы вкусового восприятия. Идентификатор отсутствует. 5) ЛСГ глаголов со значением поведения. На первом этапе классификации глаголы поведения делятся на три категории: 1) глаголы, называющие поведение с точки зрения оценки наблюдателем; 2) глаголы, называющие поведение с точки зрения намерения субъекта; 3) глаголы со сниженной стилистической маркировкой. Все они по общности дифференциальных признаков распределены по 22 подгруппам. Идентификатор – глагол **хылын-** «вести себя каким-л. образом». В ходе исследования данных ЛСГ глаголов мы пришли к выводу, что каждая из них является самостоятельной семантической группировкой с внутренней иерархической структурой. Внутри подгрупп выделяются микрогруппы и синонимические ряды глаголов. В иерархии структуры ЛСГ

выявляются три или более ступеней, которые проявляются в виде ядра, микрогрупп, подгрупп, синонимических рядов на основании общих инвариантных значений глаголов. Отличия между ЛСГ варьируются в количестве и содержании лексем, входящих в состав той или иной ЛСГ. Глаголы, входящие в ядро, являются гиперонимами по отношению к остальным членам ЛСГ, так как заключают в себе наиболее общее понятие. В значениях глаголов, относящихся к одной ЛСГ, имеется не менее трех общих сем: а) категориально-грамматическая, обуславливающая их принадлежность к одной части речи; б) категориально-лексическая, объединяющая их в одну ЛСГ; в) инвариантная, объединяющая глаголы в одну семантическую подгруппу;

5) выявлены парадигматические отношения и системные связи глаголов исследуемых ЛСГ. В ходе анализа семантической структуры глаголов и его сочетаемостного потенциала выявляются различия и общности их дифференциальных сем, тем самым определяются их синонимические и антонимические корреляции в семантических подгруппах. При этом синонимические отношения являются наиболее популярными в лексической системе ЛСГ, особенно, в трех ЛСГ глаголов: говорения, эмоции и поведения, в семантике которых присутствует качественный признак. Глаголам со значениями говорения и эмоции также свойственны антонимические связи. Глаголы со значениями восприятия и поведения исключают антонимические отношения. В ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности антонимические отношения проявляются редко на уровне ФЕ, напр.: **сағыс алын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; букв. брать [на себя] мысли» и **сағыс чідір-** «1) лишиться разума, рассудка; 2) терять сознание; букв. терять мысли». Также в сфере изученных ЛСГ действует явление функциональной эквивалентности, представляющее более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование слова в предложении. Основным условием такой нейтрализации, создающей значимостную эквивалентность слов, является наличие в контексте позиций, содержательно связанных с теми дифференциальными семантическими признаками, которые различают основные значения соответствующих слов;

б) выявлены семантические особенности глаголов с учетом их сочетательных возможностей. Первоначальная чисто парадигматическая интерпретация исследуемых ЛСГ уступает место функционально-семантической, что приводит к более глубокому пониманию лексической системы языка, которая включает в себя не только изолированные наборы лексических группировок, но и необходимые для реализации последних определенные конструкции, синтагмы. Противопоставление глагола-ономатемы, как единицы словаря или элемента языковой системы, с одной стороны, и глагола-синтагмы, как единицы речи, реализующейся в определенном контексте, обеспечивается при функционально-семантическом подходе к исследованию. Сходство глаголов одной ЛСГ выражается

наличием у них не только общей категориально-лексической семы, но и сходством типовой сочетаемости. Семантика и сочетаемость составляют неразрывную синтагму. Определяющую роль в сочетаемости глаголов играет его семантика, принадлежность к определенной семантической группе. Глаголы, по общности значения состоящие в одной ЛСГ (микрोगруппе, подгруппе, синонимическом ряду) характеризуются однотипностью сочетания;

7) исследованы процессы взаимодействия лексико-семантических вариантов многозначных глаголов внутри ЛСГ или за ее пределами обнаруживаются сложности в определении четкой иерархии в системе значений. Явление многозначности характерно наиболее частотным и базовым глаголам, которые в зависимости от количества и характера дифференциальных признаков одновременно состоят в двух или нескольких семантических подгруппах ЛСГ или же переходят в другие ЛСГ. Явление многозначности сильно развито в семантике глаголов интеллектуальной деятельности, но их ЛСВ почти не выходят за пределы ментальной сферы. Поскольку семантика глагола неразрывно связана с его сочетаемостью, исследование системы многозначного глагола опирается на его реализацию в контексте. ЛСВ одного глагола, являясь равноправными проявлениями его значений, в конструкции формируют свои типовые актантные окружения;

8) определены особенности хакасского национального мироощущения, отраженных в семантических и синтагматических проявлениях глаголов и фразеосочетаний со значением психической деятельности. Исследование данного фрагмента лексики позволяет выявить когнитивное содержание, репрезентирующее сложившиеся в хакасском этносе языковые традиции мировидения. Своеобразие специфики хакасского языка особенно наглядно отражается и в богатстве фразеологического фонда. Например, если для русского человека эмоциональная жизнь связана только с сердцем, то в сознании хакаса затрагиваются (охватывает) и легкие, и печень, и нутро. При этом семантика конкретных эмоций связаны с конкретными органами: легкие отвечают за злость, печень – тоска, страдание, нутро – зависть. Специфику исторически сложившейся хакасской языковой картины можно наблюдать в обозначении ментальности в основном многозначными языковыми средствами. А также в хакасском языке основная часть глаголов со значением поведения имеет отрицательную оценку субъекта со стороны наблюдателя. В ЛСГ глаголов говорения подгруппу глаголов со значением положительного отношения образуют лишь три глагола: **махта-** «1) хвалить (за что-л.); 2) одобрять»; **махтан-** «хвалиться»; **чаксыла-** «хорошо отзываться о ком-чем-л.». Таким образом, глагольная лексика с положительной семантикой выглядит более-менее скромной, чем глаголы с отрицательной семантикой. На наш взгляд, такое своеобразие хакасского языка реконструируется на основании генетически сдержанного, скромного характера хакасского народа, который вместе с тем непримирим к каким-либо проявлениям отклонений от нравственных норм, отсюда и следуют

изобилие и разнообразие глаголов с отрицательным оттенком. Это основная причина, которой мы объясняем преобладание антропоцентрической лексики с отрицательной семантикой в хакасском языке. Антропоцентрический подход к изучению отдельных ЛСГ глаголов позволяет выявить наличие национальной специфики в характере и мировидении хакасского этноса, скрытого в языковой системе;

9) систематизированы полученные научные результаты, определены перспективы дальнейших исследований. Поскольку системное описание лексики требует изучения ее в парадигматическом и синтагматическом планах, то глаголы поля психической деятельности рассматривались с учетом этих двух аспектов. При этом анализируется семантика каждого глагола, в которую входит семантический признак, обуславливающий его принадлежность к одной ЛСГ, и дифференциальные семы, противопоставляющие их другим членам группы. Обычно эти семы выявляются при описании их сочетаемостных особенностей, что говорит о неразрывной связи семантики глагола и его сочетаемости. Проведенное исследование будет способствовать развитию лексикологии не только хакасского, но и других тюркских языков, пополнит теоретические знания в этой области, поможет вскрыть тенденции и закономерности развития лексической системы хакасского языка, в частности, настоящее исследование будет способствовать решению отдельных вопросов лексикологии, возникающих в ходе комплексного функционально-семантического описания глагольных ЛСГ: ее иерархической структуры, системных взаимоотношений глагольных единиц (явления синонимии, многозначности, вторичных лексических отношений), типовой сочетаемости глаголов и т.д.

Таким образом, проведенное исследование выявило широкие семантические и контекстуальные особенности глаголов со значением психической деятельности хакасского языка, а также поставило ряд проблем, которые требуют последующего решения. В рамках данной темы нами намечены вопросы, на которые следует обратить внимание в дальнейшем:

а) исследование в синтаксическом ключе. Надеемся, что коллеги-синтаксисты обратят внимание на детальное изучение структуры предложений, формируемых глаголами со значением психической деятельности, определение моделей предложений в единстве плана выражения и плана содержания. Общность ряда языковых явлений в исследуемых ЛСГ сочетается с проявлением теснейших и многосторонних связей между ними (наличием общих дифференциальных сем, зон пересечения), что подтверждает необходимость их целостного анализа;

б) одной из наиболее характерных черт современного хакасского текста является смешение стилей. В пределах одного контекста могут находиться слова, принадлежащие к разным пластам лексики, в результате чего возникают новые неожиданные коннотации. Хакасские диалектные глаголы, не представленные в лексикографии, требуют дальнейшей разработки

принципов их лексикографического описания в словарях. Диалектная глагольная лексика обладает повышенной выразительностью, проявляющейся в богатстве, разнообразии ее коннотативных компонентов (эмоциональности, экспрессивности, оценочности). Например, **тыт-** «саг. ломать» в ЛСВ «искать», **пир пар-** «букв. дать + идти» в ЛСВ «упасть», **наар-** «бить» и т.д.;

в) в ходе семантического анализа фактологического материала выявлен богатый корпус глаголов – экспрессивов, связанных с аспектом субъективно-оценочного восприятия действительности и отношения говорящего к объекту, в основном, в ЛСГ глаголов со значениями поведения и говорения, а также фразеологической части обозначения эмоции. Учитывая тот факт, что в хакасском языкознании экспрессивная тематика исследования лексики еще не затрагивалась, представляется интересным изучение данного пласта лексики с целью выявления их семантических, прагматических особенностей и влияния их коммуникативной структуры высказывания на характер эмоционально-субъективной оценки и отношения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии (2)

1) Чертыкова М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект): монография / научн. ред. М.И. Черемисина. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2005. – 180 с.

2) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика: монография / отв. ред. Ю.В. Псянчин. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2015. – 160 с.

Словари (3; 2 из них – в соавторстве)

3) Лексико-семантические группы хакасских глаголов (глаголы говорения и движения): словарь-справочник / сост. М.Д. Чертыкова, А.Н. Чугунекова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2013. – 72 с.

4) Кызласова И.Л., Чертыкова М.Д. Словарь синонимов хакасского языка / Хакас тілінің синонимнер сөстігі: Справочное издание. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2014. – 228 с.

5) Чертыкова М.Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка: (глаголы со значением психической деятельности): учебно-методический комплекс по дисциплине: словарь-справочник / М.Д. Чертыкова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2016. – 172 с.

Учебное пособие

6) Чертыкова М.Д. Лексико-семантические группы хакасских глаголов: учебно-методический комплекс по дисциплине: учебное пособие. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2014. – 100 с.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских диссертаций (18)

7) Чертыкова М.Д. Глаголы движения в казымском диалекте хантыйского языка: инвентарь и дистрибуция. – Вестник ВЭГУ (Восточная экономико-юридическая академия, г. Уфа). Серия: Филология. – 2010. – №3 (47). – С. 128-133.

- 8) Чертыкова М.Д. Семантические типы первоначальных заимствований из русского языка в сагайском наречии (диалекте) // Вестник ВЭГУ (Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа). – 2013. – №2 (64). – С. 148-153.
- 9) Чертыкова М.Д. Фразеосочетания по типу **кӧннӱ**+глагол с семантикой эмоции в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. – 2013. – №2 (39). – С. 230-233.
- 10) Чертыкова М.Д. Глаголы радости в хакасском языке (семантика и функционирование) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2013. – №5. – С. 150-156.
- 11) Чертыкова М.Д. Семантическое пространство «**сагыс**+глагол» в составе лексико-семантической группы глаголов мышления в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. – 2013. – №3 (40). – С. 241-243.
- 12) Чертыкова М.Д. Семантическая структура глагола **пӱл**- «знать» и его производных в хакасском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – №3 (24). – С. 178-184.
- 13) Чертыкова М.Д. Глагольная репрезентация смыслового поля «мнение» в хакасском языке // Вестник ВЭГУ (Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа). – 2014. – № 1 (69). – С. 134-140.
- 14) Чертыкова М.Д. Семантическая структура глагола **сагын**- «думать» в хакасском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – №1 (57). Т.1. – С. 161-165.
- 15) Чертыкова М.Д. Эмотивные фразеосочетания с соматизмами в хакасской языковой картине мира // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал (Тамбов). – 2014. – №3 (33). Часть II. – С. 195-200.
- 16) Чертыкова М.Д. Глаголы отрицательной эмоционально-этической оценки в хакасском языке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2014. – №2 (55). – С. 117-121.
- 17) Чертыкова М.Д. Глагольная репрезентация смыслового поля «понимание» в хакасском языке // Вестник Тверского государственного университета. – 2014. – №2. Серия: Филология. Выпуск 11. – С. 145-153.
- 18) Чертыкова М.Д. Глагольные средства выражения операций памяти в хакасском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – №4 (57). – С. 112-116.
- 19) Чертыкова М.Д. Антонимические и синонимические корреляции в структуре лексико-семантической группы глаголов эмоции в хакасском языке (на примере глаголов мимико-звуковых групп смеха и плача) // Урало-алтайские исследования. – 2014. – №1 (12). – С. 75-85.
- 20) Чертыкова М.Д. Средства репрезентации субъекта в конструкциях с ментальными глаголами в хакасском языке // Вестник ВЭГУ. – 2015. – №2 (76). – С. 158-164.
- 21) Чертыкова М.Д. Объектные распространители в конструкциях с ментальными глаголами в хакасском и алтайском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). Т.1. – С. 107-111.
- 22) Чертыкова М.Д. Глагольное выражение значений касания и осязания в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. – 2016. – № 1 (56). – С. 283-285.
- 23) Чертыкова М.Д. Выражение значения причины / стимула при глаголах эмоционального переживания субъекта в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2016. № 3. С. 290-292.
- 24) Чертыкова М.Д. Средства выражения субъекта в предложениях с глаголами психической деятельности в хакасском языке. – Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – №1 (11). – С. 36-44.

Статьи в научных журналах и сборниках (21; из них 2 – в соавторстве)

25) Чертыкова М.Д. Функционирование связки **tip** в конструкциях с глаголами говорения в хакасском языке // Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. Вып.1. – Новосибирск, 1998. – С. 135-139.

26) Чертыкова М.Д. Глаголы говорения, исключаяющие позицию второго участника речи // Вестник Хакасского технического института. Вып. 10. – Абакан, 2001. – С. 129-133.

27) Чертыкова М.Д. К вопросу о ЛСГ глаголов со значением эмоции в хакасском языке // Письменное наследие тюрков: Сб. научных трудов. – Кызыл, 2003. – С. 62-64.

28) Чертыкова М.Д. Позиция субъекта в конструкциях глаголов говорения хакасского языка // Тюркская и смежная лексикология и лексикография (Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева). – М., 2004. – С. 222-230.

29) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением смеха в хакасском языке // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: Материалы научно-практической конференции. – Абакан, 2005. – С. 165-171.

30) Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. Глаголы потребления пищи в хакасском языке // Языки и литературы народов Горного Алтая: Международный ежегодник. 2006. – Горно-Алтайск, 2006. – С. 28-30.

31) Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. Сочетаемость глаголов говорения в хакасском и хантыйском языках (сопоставительный аспект). – Вестник Югорского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 126-130.

32) Чертыкова М.Д. К вопросу о когнитивной основе классификации глаголов говорения (на материале русского, хантыйского и хакасского языков). – Мова. Научно-теоретический часопис з мовознавства. – 2010. – №15. – С. 55-57.

33) Чертыкова М.Д. Семантика глаголов любви и доброжелательного отношения в хакасском языке // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Научный журнал. – 2013. – №7. – С.31-38.

34) Чертыкова М.Д. Функционально-семантическая характеристика глаголов со значением удивления в хакасском языке // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Научный журнал. – 2013. – №8. – С. 43-49.

35) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением злости в хакасском языке (парадигматический аспект) // Языки и литературы народов Горного Алтая: международный ежегодник. 2013. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. – С. 121-124.

36) Chertykova M.D. Disambiguazione mentale verbi in khakassky lingua (ad esempio per comprendere verbi) // Italian Science Review. Peer Reviewed, Open Access, Free Online Journal. – 2014. – № 4 (13). – PP. 624-627. [Многозначность ментальных глаголов в хакасском языке (на примере глаголов понимания)]

37) Чертыкова М.Д. Семантическая структура и коммуникативные особенности глаголов эмоции в хакасском языке // Коммуникативные исследования. Научный журнал (Омск). – 2014. – №1. – С. 276-284.

38) Чертыкова М.Д. Системные взаимоотношения глаголов эмоции в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. Научный журнал (Абакан). – 2014. – №8. – С. 53-58.

39) Чертыкова М.Д. Семантическая структура многозначных ментальных глаголов в хакасском языке. – Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова. – 2014. – № 10. – С. 90-94.

40) Чертыкова М.Д. Особенности выражения объекта формой винительного падежа при ментальных глаголах в хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2015. – №11. – С. 89-94.

41) Чертыкова М.Д. К вопросу о семантической классификации глаголов со значением эмоции в хакасском языке // Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov.

Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова / Отв. ред. Е.А. Оганова. – М.: ООО «Издательство МБА», 2015. – С. 144-151.

42) Чертыкова М.Д. Вариантные отношения глаголов психической деятельности в хакасском языке: функциональная эквивалентность. – Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2015. – №2 (10). – С. 53-56.

43) Чертыкова М.Д. Типовая сочетаемость глаголов в хакасском языке // Вопросы кавказского языкознания. Научный журнал (Махачкала). – 2015. – Вып. 12. – С. 139-144.

44) Чертыкова М.Д. Объектные конструкции со связкой **тип** при глаголах психической деятельности в хакасском языке // Актуальные проблемы монголоведения: Ц.Б. Цыдендамбаев – выдающийся монголовед. Вып. 5. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – С. 130-135.

45) Чертыкова М.Д. Хакасские глаголы потребления пищи в парадигматическом аспекте // Таврический научный обозреватель. 2016. № 6 (11). С. 40-41.

Статьи в сборниках материалов конференций (57; 11 из них – в соавторстве)

46) Чертыкова М.Д. Глаголы говорения, не сочетающиеся с прямой речью, в хакасском языке // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Международной научной конференции. Том 1: Филология. – Новосибирск, 1995. – С. 80-82.

47) Чертыкова М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке // Языки коренных народов Сибири. Сборник научных трудов. Вып. 1. – Новосибирск, 1995. – С. 106-112.

48) Чертыкова М.Д. Устойчивые сочетания со значением эмоции в хакасском языке // К 70-летию со дня образования Хакасской автономной области. Материалы научно-практической конференции (20 октября 2000 г.). – Абакан, 2000. – С. 33-39.

49) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением страха в хакасском языке // Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская область, 29 января – 6 февраля 2002 г.: Материалы лекций и семинаров. – М., 2002. – С. 287-291.

50) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке // Материалы ICANAS-37. – М., 2004. – С. 44.

51) Чертыкова М.Д. Способы выражения причины глаголами печали в хакасском языке // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы научной конференции (г. Горно-Алтайск, 11-13 сентября 2003 г.). – Горно-Алтайск, 2005. – С. 234-237.

52) Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. О лексико-семантической группе глаголов эмоции (на примере хакасского и хантыйского языков) // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Уфа, 1-5 июня 2005 года). – Уфа, 2005. – С. 47-50.

53) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением раздражения в хакасском языке // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Уфа, 1-5 июня 2005 года). – Уфа, 2005. – С. 79-81.

54) Чертыкова М.Д. Глагол **хатхыр-** «смеяться» в хакасском языке // Языки, история, культура тюркских народов Южной Сибири и прилегающих регионов: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Э.Ф.Чиспиякова. – Новокузнецк, 2005. – С. 107-109.

55) Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. К вопросу о глаголах восприятия в хакасском языке // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы международной конференции XXIV Дульзоновские чтения. / Томский государственный педагогический университет. – Томск, 2005. – С. 189-191.

56) Чертыкова М.Д. Работы Д.Ф.Патачаковой по лексикологии и лексикографии хакасского языка // Патачакова Дарья Федоровна (к 85-летию со дня рождения): Сборник научных трудов. – Абакан, 2005. – С. 9-12.

57) Чертыкова М.Д. К вопросу о ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке // Центральная Азия и Казахстан: истоки тюркской цивилизации: Труды Межд. научно-практ. конф. (25-26 мая 2006 г., г. Тараз, Казахстан). – Тараз, 2006. – С. 35-44.

58) Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. Синтаксис и прагматика сложных предложений хантыйского языка (применительно к ЛСГ глаголов) // Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Международный лингвистический симпозиум. Томск (Россия), 27-30 июня, 2006. Сборник тезисов. – Томск, 2006. – С. 50-51.

59) Чертыкова М.Д., Каксин А.Д. О глаголах со значением страха в хантыйском и хакасском языках // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.И.Чудоякова. – Новокузнецк, 2008. – С. 74-77.

60) Чертыкова М.Д. Внутренняя семантическая дифференциация глаголов говорения (на примере русского, хакасского и хантыйского языков) // IV Международные Бодуэновские чтения” (г. Казань, 25-28 сентября 2009 г.): Труды и материалы. Том 1 / КГУ. – Казань, 2009. – С. 158-160.

61) Чертыкова М.Д. К вопросу о когнитивной основе классификации глаголов смеха и печали (на материале русского, хантыйского и хакасского языков) // Материалы XII Международной научной конференции «Русистика и современность» (Украина, Одесса, 30 сентября – 4 октября 2009 г.). – Одесса, 2009. – С. 10-15.

62) Каксин А.Д., Чертыкова М.Д. Когнитивная основа семантической классификации глаголов восприятия в разноструктурных языках. – Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – 2009. – №168. Т.1. – С. 331-334.

63) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением эмоциональной оценки в составе лексико-семантической группы глаголов говорения (на материале хакасского языка) // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции, 5-7 октября 2009 г. / РГПУ им. А.И.Герцена; СПбГУ. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2009. – С. 109-112.

64) Чертыкова М.Д. Когнитивная оценка классификации глаголов говорения в хантыйском языке // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов (17-20 ноября 2009 г., Ханты-Мансийск). – Ханты-Мансийск: Инф.-изд. центр ЮГУ, 2009. – С. 162-164.

65) Чертыкова М.Д. Глаголы звучания хантыйского языка и возможность их группировки в тематическом словаре // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии: Мат-лы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена, 11-13 ноября 2009 г.) – СПб.: САГА, 2010. – С. 582-586.

66) Каксин А.Д., Чертыкова М.Д. Об устойчивых сочетаниях на базе соматической лексики в хантыйском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: Мат-лы IV Всероссийской научн. конф., посвященной III Всемирному курултаю башкир. I том: Филология / Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа, 2010. – С. 158-162.

67) Чертыкова М.Д. Глаголы с контекстуальным значением говорения в хакасском языке // Историко-культурное наследие Хакасии: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д.и.н., археолога Я.И. Сунчугашева (г. Абакан, 20-21 октября 2011 г.).– Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», 2011. – С. 111-114.

68) Каксин А., Чертыкова М. О глаголах со значением страха в хантыйском языке // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba 2010). Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica / Под ред.: Sandor Csucs, Nora Falk, Viktoria Toth, Gabor Zaicz / Reguly Tarsasag. – Piliscsaba, 2011. – S. 198-200.

69) Чертыкова М.Д. Синтагматическая организация предложений с глаголами эмоций в хакасском языке // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков:

тезисы межд. научно-практической конференции (г. Якутск, 29-30 ноября 2012 г.) / Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова. – Якутск, 2012. – С. 112.

70) Чертыкова М.Д. Диалектные экспрессивы как вторичные синонимы в хакасском языке (на примере глаголов со значением «бить») // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII региональной конференции (Уфа, 27-28 ноября 2012 г.). – Уфа, 2012. – С. 172-174.

71) Чертыкова М.Д. К вопросу об иноязычных заимствованиях в хакасском языке (по материалам газеты «Хабар») // Этнос развивающейся России: проблемы и перспективы: Материалы пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14-15 декабря 2012 г.). – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», 2012. – С. 88-89.

72) Чертыкова М.Д. Семантические типы русских заимствований в сагайском наречии // Наследие Н.Ф.Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н.Ф.Катанова): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 16-19 мая 2012 г.), – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», 2012. – С. 84-86.

73) Чертыкова М.Д. Русские заимствования в сагайском наречии (по материалам Катановского тома “Образцов народной литературы тюркских племен”) // Профессор Н.Ф.Катанов және түркітану мәселелері. Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары 30-31 мамыр 2012 жыл. I бөлім ~ Профессор Н.Ф.Катанов и проблемы тюркологии: Сборник статей международной научно-теоретической конференции. 30-31 мая 2012 года. Том I. – Орал, 2012. – С. 101-105.

74) Чертыкова М.Д. Песенная лирика карагасов в переводе Н.Ф.Катанова // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: Материалы Международной научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 90-летию Ойротской автономной области, 60-летию Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С.Суразакова. г. Горно-Алтайск, 26-30 июня 2012 г. – Горно-Алтайск, 2012. – С. 155-159.

75) Чертыкова М.Д. Способы выражения причины радости глаголом **өрін-** в хакасском языке // Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дешифровки Орхоно-енисейской письменности): материалы международной научной конференции (г. Кызыл, 10-11 июля 2013 г.). Часть I. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. – С. 138-141.

76) Чертыкова М.Д. Функционально-семантическая характеристика глаголов желаний в хакасском языке // Хакасский этнос на рубеже XX-XXI веков: материалы всероссийской научной конференции с международным участием (26-27 сентября 2013 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. – С. 32-35.

77) Чертыкова М.Д. Функционирование многозначного глагола в хакасском языке // Алтай – түркі элементінің алтын бесігі: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференциясы материалдары. – 1-бөлім / Бас редактор Бердібек Сапарбаев = Алтай – золотая колыбель тюркского мира: материалы Международной научно-практической конференции (Усть-Каменогорск, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С.Аманжолова, 26-27 августа 2013 г.). – Часть 1. – Өскемен: С. Аманжолов атындағы ШҚМУ баспасы, 2013. – С. 361-364.

78) Чертыкова М.Д. Язык современной прессы как отражение потенциала личности и языкового сообщества // Проблемы формирования и реализации потенциала личности в современной России: материалы IX Международной научно-практической конференции (15 мая 2013 г.). – Уфа, 2013. – С. 259-266.

79) Чертыкова М.Д. К вопросу о ментальных глаголах в хакасском языке // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и

практики: Материалы международной заочной научно-практической конференции, 22 ноября 2013 г. – Елабуга, 2013. – С. 198-201.

80) Чертыкова М.Д. Семантика многозначного глагола в хакасском языке и ее представление в словаре // Учебник – основа изучения родного языка в образовательных учреждениях. Материалы межрегиональной конференции. 29 ноября 2013 г., г. Абакан. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. – С. 64-68.

81) Чертыкова М.Д. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (на примере глагола **хын-** «любить») // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: Мат-лы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 28 февраля 2014 г.). – Новосибирск, 2014. – С. 183-185.

82) Чертыкова М.Д., Боргоякова И.Н. Семантическая структура глагола **онна-** «понимать» в хакасском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) (Уфа, 12-14 мая 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 117-119.

83) Чертыкова М.Д. Структура лексико-семантической группы ментальных глаголов в хакасском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) (Уфа, 12-14 мая 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 120-122.

84) Чертыкова М.Д., Боргоякова И.Н. Фразеосочетания со значением ненависти в хакасском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции (Горно-Алтайск, 2-5 июля 2014 г.). – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. – С. 377-379.

85) Чертыкова М.Д. Языковые средства выражения эмоциональности в хакасском языке (на примере глаголов со значением зависти) // Центральная Азия в исследованиях XIX-XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н.М.Пржевальского: Материалы Международной научно-практической конференции. Бишкек, Каракол, 10-12 апреля 2014 г. – Бишкек: Издательство «Махprint», 2014. – С. 161-163.

86) Чертыкова М.Д. О пограничных зонах лексико-семантической группы (на материале хакасского языка) // Мир языков: ракурс и перспектива: Материалы 5-й Международной научно-практической конференции. Минск, 22 апреля 2014 г. / редкол.: Н.Н.Нишнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2014. – Том II. – С. 64-66.

87) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением внимания в хакасском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции (Горно-Алтайск, 2-5 июля 2014 г.). – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. – С. 373-377.

88) Чертыкова М.Д. Глаголы со значением контроля (проверки) в хакасском языке // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (24-26 сентября 2014 г.). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. – С. 151-153.

89) Чертыкова М.Д. Об одной из подгрупп ментальных глаголов в хакасском языке // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: Мат-лы Межд. конф. (г. Элиста, 10-13 ноября 2014 г.). – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. – С. 166-168.

90) Чертыкова М.Д. Глагольная лексика хакасского языка в свете национальной картины мира // Россия глазами народов Сибири: диалог и взаимодействие народов в рамках национальной политики: Материалы региональной научно-практической конференции (Новосибирск, 13-14 ноября 2014 г.). – Новосибирск, 2014. – С. 138-140.

91) Чертыкова М.Д., Аёшина А.П. Материалы для идеографического словаря хакасского языка (глагол **сана-** «считать») // «Иннова–2015» атты ғылыми-әдістемелік конференциясының материалдары ~ Материалы научно-методической конференции

«Иннова–2015». 15-16 қаңтар 2015 ж. ~ 15-16 января 2015 г. / Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова. – Костанай, 2015. – С. 131-132.

92) Чертыкова М. Д. Глаголы поля психической деятельности как фрагмент мировидения хакасов [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2015, № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_26/7942-chertykova.html

93) Чертыкова М.Д. Объектный инфинитив в конструкциях с ментальными глаголами в хакасском и алтайском языках // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл: Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл (2015 оны 5-р сарын 21-22. Монгол улс, Улаанбаатар) / Эрхэлсэн: Ю.Цэндээ, С.Мияажав. – Улаанбаатар, 2015. – С. 229-236.

94) Чертыкова М.Д. Особенности перцептивных глаголов хакасского языка // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Материалы XII международной научной конференции. г. Ховд, Монголия, 18-21 сентября 2015 г. – Том II: Гуманитарные и социальные науки. – Ховд; Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. – С. 189-192.

95) Чертыкова М.Д. Системная организация лексико-семантической группы глаголов эмоции в хакасском языке // Идель – Алтай: история и традиционная культура народов Евразии. Материалы III Международного форума, посвященного 90-летию доктора филологических наук, профессора С.С. Суразакова. – Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2015. – С. 407-410.

96) Чертыкова М.Д., Боргоякова И.Н. К вопросу о глаголах со значением поведения в хакасском языке // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИГПИ. – Кызыл, 2015. – С. 283-291.

97) Чертыкова М.Д. Функционально-синтагматические свойства ментальных глаголов хакасского языка // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИГПИ. – Кызыл, 2015. – С. 291-297.

98) Чертыкова М.Д. Делибератив как один из способов выражения объекта глаголами психической деятельности в хакасском языке // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 231-234.

99) Чертыкова М.Д. ЛСГ глаголов эмоционального переживания в хакасском языке: основные методы ее описания // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12-15 окт. 2015 г.): тр. и матер.: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – Т.2. – С. 319-321.

100) Чертыкова М.Д. Когнитивная основа семантики глагола **хын-** «любить» в хакасском языке // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2015. – С. 320-323.

101) Чертыкова М.Д. Объектная функция инфинитива в конструкциях глаголов психической деятельности хакасского языка // Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства: мат-лы Межд. научной конф. Омск, 23-25 октября 2015 г. – В 2-х частях. Ч. 1 / под ред. С.В. Буренковой – Омск: Омский государственный институт сервиса, 2015. – С. 180-185.

102) Чертыкова М.Д. Двойственный характер глаголов со значением общения в хакасском языке // Материалы Межд. научно-практ. конф. «Юнусалиевские чтения – 2015» (24-25 декабря, Бишкек, Кыргызстан). – Бишкек: Улуу Тоолор, 2015. – С. 347-352.

103) Чертыкова М.Д. Синонимическая представленность глаголов со значением порицания в хакасском языке // Современный образовательный процесс и вопросы преподавания башкирского языка и литературы. Материалы Всерос. науч. конференции, посвященной 75-летию со дня рождения д.пед.н., проф. Р.Г.Азнагулова (18 марта 2016 г.). – Уфа: Изд-во БашГУ, 2016. – С. 427-431.